

Владимир Буров

8,9 — аут

ПОТУСТОРОННЕЕ

Владимир Борисович Буров

8, 9 – аут. Потустороннее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390692

ISBN 9785448530692

Аннотация

Вторая книга трилогии про девушек-боксерш. В мире Потустороннего почти ничего нет, кроме, как сказано: покоя и маленьких радостей. Море, старый катер и дом с баром. Попасть на этот пляж просто. Надо только сделать так, чтобы вас убили. Туда прибывают только покойники. Но не все и не всегда. Иногда Поле Потустороннего затягивает находящегося рядом с убийством человека. Как Оно затянуло Алексея, главного среди мужчин героя этого романа.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	28
Глава третья	49
Глава четвертая	75
Глава пятая	95
Глава шестая	119
Конец ознакомительного фрагмента.	125

8, 9 – аут

Потустороннее

Владимир Борисович Буров

*Посвящается тренеру по боксу
Валерию Ивановичу Вараксину
и его жене Нине*

© Владимир Борисович Буров, 2017

ISBN 978-5-4485-3069-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

– У меня проблемы, – сказала Галя, – я не могу сделать то, что обещала.

– А в чем дело? – спросила Даша.

– Меня обокрали. Барменша, сволочь, записала в тетради, что у нее все есть, а оказалось, что все продано. Ничего не осталось, честно. Что теперь делать не знаю. Надо закупать товар, а я за этот еще не заплатила.

– Ты не делала ревизий? – спросила Даша.

– Нет.

– Почему?

– Мне некогда. Постоянно запарки.

– Какие запарки?

– Ну, как какие? Разные. То повара нет, то уборщица пьяная, то официантка не вышла на банкет. Тут – слово на букву х – знает, что творится.

– Так надо бороться, – сказал София.

– Вот я и борюсь, – ответила Галя.

– Но, как я понял, с переменным успехом, – сказал Алексей.

– Ну, что вы Алексей! – воскликнула Галя. – Если бы с переменным. Этот бизнес – игра в одни ворота. И всегда в мои.

– Все поняли? – спросила Даша. И добавила: – Придется

платить самим.

– Вот как? – сказал Алексей. – Значит, праздника не получится? А я надеялся, что сегодня мне платить не придется.

– Ну, хорошо, Алексей, тебе я дам бесплатно. Прошу прощения, я сказала: дам? Пропустила две буквы. А именно:

– По. – Подам. Все довольны? Ему я подам сегодняшней праздничный ужин бесплатно.

– Нам надо было выкупить эту забегаловку тогда, полгода назад, – сказала София, – сейчас бы этого беспредела не было.

Они сели за дальний столик. Там уже стояли холодные закуски, вино и большой букет орхидей. Два других букета они поставили на большой телевизор Сони, на другой стороне.

Анатолий бывший арендатор этого кафе уступил это место Гале, которая раньше работала здесь барменшей. Откуда, спрашивается, деньги? Некоторые сразу стали предъявлять свои источники дохода. Большею частью это была продажа цветов. Но мать Гали заявила, что торговала самогоном. Ну и правильно. Это более реальный источник дохода. Какие доходы от цветов со своего огорода? Никаких. Так, можно накопить тысячу рублей. А из-за систематических перебоев с водкой, самогон может дать доход. Пять тысяч долларов можно, наверное, накопить на аренду кафе. Но не больше. Для нелегальных заработков нужен товар посерьезней.

Напротив, у телевизора с орхидеями расположилась ком-

пания. Два парня и две девушки. Один из парней был кабаном сантиметров девяносто в заднице. Такая тумба Юхансен. Справиться с ним, в случае чего, было невозможно. Он работал охранником владельца сети продовольственных универсамов. С ним рядом сидела девушка, похожая на девушку Микки Рурка. Такая же симпатичная и такая же пьяная. В последнее время про нее можно было сказать:

– Когда я пьян? а пьян всегда я. – Расставшись с мужем, который застал ее с владельцем супермаркетов, она сразу прошла с десятков мужиков. Почему? Она с ними ссорилась по пьянке, и они, поняв, что ее не исправить, уходили дальше. Теперь она задержалась на квадратном Томе. Так его все звали. А на самом деле? Разве вспомнишь! Ее звали... ее звали Нина.

– Нинка, как картинка, с фраером гребет. Дай мне, керя, финку я пойду вперед. Паинтересуюсь, шо это за кент? Ноги пусть рисует, Нинка, это мент. Я знаю!

Двое других были женихом и невестой. Он был черным, с черным волосами, я имею в виду, не высокий симпатичный парень. Она – высокая, мощная русская блондинка. Даже не блондинка. Волосы у нее были белыми. Видимо, парень решил увезти ее в Германию, как свиноматку, для производства киндеров.

– Жених и невеста, – сказала Галя, когда принесла горя-

чье, кивнув на соседний столик. Заказали здесь свадьбу. Все в двойном размере. Я говорю: не съедите. По барабану. Все вдвойне.

– Хорошая пара, – сказала София.

– Да, – сказала Галя. И добавила: – Только для обслуживания такой мутер нужно содержать специальный штат. Как он будет с ней справляться – не могу даже себе представить.

– Как ее звать? – спросила Даша.

– Оксана. Или Олеся. Или это одно и то же.

– Я так и думала. Хохлушка.

– Нет, из Белоруссии, но говорит, что русская.

– Такая не коня – тройку на бегу остановит, – сказал Алексей.

– Это у вас там, такие шутки были? – спросила Галя.

– Галя, иди отсюда, – сказала Даша. – Не смущай нам Алексея воспоминаниями о туманном прошлом.

– Я бы сама вышла замуж за такого Вальтера, – сказала Галя прежде чем уйти. – И знаете почему? Здесь слишком много воруют. Эта барменша поставила меня на грань этого... как его? Банкротства.

– Где она сейчас? – спросил Алексей.

– Где? Как где? Выгнала. Или ты хочешь, чтобы она еще раз меня кинула? Тебе, Алексей, лучше никогда больше не заниматься бизнесом.

– Я и не занимался.

– Вот и правильно делал.

– Что мне делать?

– А чем ты занимался до сих пор?

– Сидел в тюрьме.

– Сидел в тюрьме, – повторила Галя. – Ах, да, точно, чуть не забыла. – Она засмеялась. – Я хотела сказать, чтобы ты продолжал заниматься тем, чем занимался до сегодняшнего дня. Нет, конечно, делать опять этого не надо.

– Что ты мне посоветуешь? – спросил Алексей.

– Делай, что делают пол все.

– А нельзя по конкретнее? – спросила за Алексея София.

– Воруйте, – сказала Галя, и ушла, добавив на ходу: – Больше вам ничего не остается. Вы не бизнес вумэны.

– Чушь, – сказал Алексей. – Как можно делать такие рекомендации. Что здесь воровать?

Принесли две пасты и ризотто с креветками.

– Я хотел, чтобы мне принесли жареную картошку со свиной отбивной и свежим огурцом, – сказал Алексей.

– Они сейчас этого не делают, – сказала София.

– Почему?

– Ну, чтобы все было культурно, по-итальянски, – сказала Даша.

– Честно говоря... – начал Алексей. Он хотел сказать, что одни макароны без мяса ему не нравятся, но когда услышал, что будет стейк, то промолчал.

– Сейчас, сейчас, – сказала Галя, – его доводят до медиума. А вообще, Алексей, я должна тебе заметить, что ты сильно отстал.

– От передовых технологий приготовления пищи, – ответила она. – Жареную картошку, свиные отбивные, этих, как их?.. котлеты по-Киевски мы сейчас не делаем.

– Почему? – опять спросил Алексей.

– Ну, а сколько можно жрать одно и то же? – обиженно сказала Галя, и добавила: – Извините, мне надо идти. А то с другого стола сейчас наедут.

И точно, там заждались. Квадратный Том твякнул:

– Где наши стейки с кровью?!

– Сейчас, сейчас, – сказала Галя, и скрылась за дверью.

– Корова, – пробурчал ей вслед Том.

Все молча немного поели, потом София сказала:

– Может на него наехать?

– Не сейчас, – сказала Даша.

– Посмотрим, что будет дальше, – сказал Алексей.

Вышла Галя.

– Придется еще подождать, – сказала она, – повар пережарил стейки. Знаете, как это бывает...

– Да ты че, в натуре, прибурила, коза? – сказал Том.

– Да повар – производное от слова на букву е – разговаривал по телефону, а стейки пережарились. Ведь обыскивала засранца, не нашла. А он, оказывается его...

– Что, в жопу, что ли, засунул? – грубо спросил Том.

– Том, – сказала его подруга, – не хаами. Мы сюда на свадьбу приглашены.

– Я еще пока жениться не собираюсь, – ответил Том.

– Свидетелями, – сказала Нинка.

– К кому?

– Ну, ты что?! Забыл? Вот к ним, – Нина показала на сидящих с ними за одним столом Вальтера и Оксану.

– Во, блин, точно! – Том хлопнул себя по лбу. – А то смотрю, смотрю, вроде где-то видел, а забыл, не могу вспомнить. Вы же бабла мне отвалили пятьсот баксов за охрану. Ладно, – обратился он к Гале, – хрен с тобой. Тащи жареной картошки каждому по две порции, и гору отбивных. А то: стейки! Не – слово на букву х – соваться, если не умеете. Кормите, как обычно – бурдой. Спагетти, ризотто, стейки толкайте буржуйам, – он подмигнул Вальтеру. Но Вальтер сохранял непроницаемое выражение лица. Он пообещал будущей жене, что она может попрощаться с друзьями. И теперь думал, что бы это могло значить.

– Скорее всего, секс, – думал он. – Но неужели со всеми? Эта мысль его не радовала. Даже удручала. Поэтому рассмешить его не могли никакие наезды охранника. И свидетеля в одном лице.

Повар выбежал из кухни, бросил полотенце на стойку бара, запрыгал в раздевалку, вспомнил, что раздевалка закры-

та, так как летом там никто не раздевается, побежал опять на кухню.

– Не повар – заяц, – сказал Том. – Хотите, поджарим его самого? – спросил он. Но не Вальтера на этот раз, а его невесту Олесю. И она ответила:

– Хочу.

Вышла Галя. Подошла с виноватым видом, и сказала:

– У меня запарка. Алексей, может, ты побудешь немного времени на кухне?

– А при чем здесь он? – спросила Даша. – Он, что, повар?

– Да, я слышала, что он работал зав. столовой.

– Он? Ты охренела? Когда это он мог работать зав. столовой? Он все время со мной. – Даша посмотрела на Софию. – Он все время с нами.

– Да, – высказалась София, – и ведет себя не как повар, а как благородный физик-теоретик.

– Когда он был на Зоне, – тихо сказала Галя. – Он был там зав. столовой.

– Ты вообще соображаешь, что говоришь? – прошипела Даша. – Этот парень, – она кивнула на Алексея, – Ганнибал. Он сидел один в железной клетке, как брат короля Людовика.

– Брат короля сидел в железной маске, – сказала Галя. – Это-то я точно знаю.

Алексей сказал:

– На меня тоже надевали маску. Не часто. Но дело было. Когда встречался с представителем народа по правам человека. Без маски он отказался со мной разговаривать. Как он сказал:

– Объясню просто: я боюсь.

– Ну, Алексей, – сказала Галя, – у меня точная информация.

– Я поняла, в чем дело, – сказала София, – это было не в этот, а в другой раз. Помнишь, Алексей, ты сидел из-за этого – производное от слова на е. Забыла, как его звали.

– Вполне возможно, – ответил Алексей. – Я был там несколько раз. Вероятно, когда-то дослужился до зав. столовой. Я согласен.

Они всей толпой двинулись на кухню жарить отбивные и картошку. Они даже не обратили внимания, что гостей, для которых должна была жариться картошка и мясо – нет в зале. Наверное, вышли покурить, подумал каждый.

Нет, ребята в этой компании были некурящими. Курили только дамы. Да и только потому, что так делали все. Сначала, я имею в виду. Потом-то, конечно, их уже за уши нельзя было оттащить от сигареты.

Все были на кухне. Галя, Алексей, Даша, София вошли на кухне, а гости Вальтер, Олеся, Нинка и Том были уже там. Что они здесь делали? Жарили повара Валеру. Прямо на плите.

– Зажарим его без сковородки, – сказал Том.

Правда на плите из шести работала только одна плита. Все жарили на хороших, с широким нагревательным элементом, электроплитках, и на подключенной к газовой колонке, газовой плитке. Фри можно было жарить только на газе. Электрика самодельную картошку не брала. На мороженную денег не напасешься.

Валера вертелся на большой плите, стараясь часто не попадать на разогретую шестую часть.

– Ай! Ай-ай! А-я-яй! – периодически вскрикивал он.

– А-я-яй! Аяяя-аяяй! – пел Том.

– Ты не очень, не очень, смотри, – периодически говорила Нина, – он может сильно обжечься. – Олеся молча курила, о чем-то думала. Как и ее немец. Может, он думал, что это такая традиция здесь:

– Жарить кого-нибудь перед свадьбой. – На счастье, так сказать.

– Жарься, жарься, зайчик! – покрикивал Томми. – Кто как хочет? Медиум? Жарься, сука, до медиума! Мы тебя слишком долго ждали. С Мотькой захотел поговорить по телефону? Тебе сколько раз надо повторять, что по телефону на работе разговаривать не надо? И знаешь, почему? Почему, я тебя спрашиваю, зайчик? Отвечай, отвечай. Теперь твоя очередь говорить.

– Ая-яй! – опять сказал заяц. – Ая-яй!

А Том опять пропел:

– Ая-яй! Аяяя-ая-яй! Где твой телефон?

– В кармане.

– Отдай его мне.

– Возьми. – Валера начал шарить в кармане, и, повернувшись, опять попал на горячую плиту. Он заорал, но все-таки вытащил телефон, и передал немцу, который стоял к нему ближе.

Галя вошла первой и тут же сказала:

– За присутствие гостя на кухне у нас двойная плата.

– Почему двойная? – спросила Олеся. – Том везде платил двадцать процентов. Во всей Европе – начала она объяснять свою позицию, – берут только двадцать процентов.

– За что?! – резко спросила Галя.

– За то, что гости сами участвуют в приготовления блюда.

– Повар – это вам не блюда, – сказала София.

– А мы считаем, что это блюдо, – нагло ответил Том. И добавил: – Или кто-то хочет заменить его?

– Я хочу, – сказала Даша. Она подошла к Тому, и неожиданно ударила по яйцам. Где-то в широких брюках они, видимо, болтались без присмотра. Потому что Том тут же присел, схватился за них, и промычал:

– Су-ка.

– И это еще не все, – сказала София. – Теперь мы будем

жарить яичницу.

Они повалили Тома на плиту, но он вырвался. Дамы разлетелись в разные стороны. Зато для Алексея толстожопый охранник оказался открытым.

– Удар, еще удар! Еще! – и Том, помотав немного башкой, упал на плиту.

– Бифштекс натуральный, – сказала Галя. И дамы начали жарить Тома, напевая песню Круга, Мадам. Я уже не помню слова.

– Он даже не пытается слезть с печки, – сказала Нинка.

– Окумарился, – сказала Олеся. – Не соображает, куда надо ползти.

– Тварь, – почему-то сказала Нинка.

– Ребята, отпустите его, – сказал, наконец, Вальтер по-немецки. – Мы приглашаем вас на нашу свадьбу. Только отпустите его. Он может прогореть до степени полной прожарки: Велл Даун. Ибо это омрачит счастливейшее из событий моей жизни.

– Ты знаешь по-немецки? – спросили Дашу.

– Нет. Мы не собираемся воевать с Германией. Зачем, мне немецкий? Его давно уже никто не учит. Это вымирающий язык.

Тем не менее, Вальтера поняли. Тома отпустили.

Все, кроме Алексея вышли в зал. Он сказал, что все приготовит один.

– Идите, танцуйте, я сейчас все сделаю. Только Галя пусть останется чистить картошку, – добавил он. – Пока я отбиваю карбонад.

Когда они остались одни, Галя спросила:

– Ты зачем сказал, чтобы я осталась? – И еще тише: – Трахнуть, что ли, прямо здесь хочешь?

– Почему? Я один не могу и картошку чистить, и мясо отбивать.

– Так картошка уже начищена, – сказала Галя.

– Да? Я не заметил.

– Да ладно врать. Так и скажи, что хочешь... – Тут вошла София.

– Прекрати его лапать, – строго сказала она. – Иди в зал. Там еще пришли клиенты.

Галя бросила на стол тряпку, и вышла в зал. Повара давно не было. Он давно уже убежал, куда глаза глядят.

Далее, свадьба.

Галя попросила, чтобы ребята поработали пока в кафе.

– Больше некому. Иначе я банкрот.

– Тогда так, – сказала София: – Делим все бабло пополам.

– Может быть, тогда нам его вообще выкупить? – сказала Даша.

– Если мы это сделаем, – сказал Алексей, – то уж ничем другим нам заняться не удастся. Тем более, это такая морока. Вы сами видите: здесь абсолютно некому работать. Все

придется делать самим. Нет даже уборщицы.

– Ты против? – спросила Даша. И добавила: – Я тоже. Пусть Галя одна тут парится.

– Мы поможем тебе провести свадьбу, а там посмотрим, – сказала София.

На свадьбе сначала все шло хорошо. Ели, пели, танцевали. Потом Том сказал, что сейчас всех разматает.

– Прекрати, Том, прекрати на – сл. на х – это твое разматую, – сказала Нина. – Я хочу танцевать. Или ты забыл, как тебя жарили здесь две недели назад?

– Разматую, – опять сказал охранник.

– Ну, тупорылый, – махнула рукой Нина. – Я с тобою разведусь.

Том пока что промолчал. Ибо думал: послать эту даму, или повозиться еще? Так-то ничего, красивая. Но ведь все время пьяная.

Алексей настоял, чтобы вместо жареного куса корейки был стейк по-флорентийски.

– Свинына медиум не делается, – сказал он. – Или вы до сих пор были не в курсе?

Все согласились. Только Том сказал:

– Опять стейки. Ни – сл. на х – ведь не получится. – Точнее, он хотел и мог это сказать. Но на окончательном утверждении заказа его не было. И действительно, сложности могли возникнуть. Ибо это был Т-образный стейк на ко-

сти. На двух перекрещивающихся костях. Алексей умел его делать даже из местного мяса средней полосы. Впрочем, другое здесь не использовали. Еще не произошло предварительное накопление капитала, чтобы есть стейки из аргентинских и австралийских быков. Некоторые удивятся:

– Как это может быть, чтобы в тюрьме разрешали есть, и даже самому жарить стейки? Он, что, там был Крестным Отцом? Или Матерью? – Нет, друзья мои, нет! Просто один член правительства, зам. министра, писал диссертацию по психологии поведения экстраординарных индивидуумов. Поэтому Алексею давали все, что он ни попросит. Не хочешь из ресторана Котлету по-Киевски? Надоели хохлы со своими мандаринами? Хорошо. Посмотрим, что ты сам можешь. И Алексей всегда заказывал это мясо. С одной стороны кости была вырезка, а с другой балык. То же, что карбонад у свинины. Пережарить его было сложно. Толщина мяса была пять сантиметров. Алексей жарил его за пятнадцать минут. И еще десять минут стейк лежал на сковороде. Отдыхал после жарки. Мясо всегда было медиум. Розовым, но без крови.

– Не люблю кровь, – говорил Алексей охранникам, которые приносили ему мясо, и иногда сидели около его клетки. Им было интересно не только, как Алексей жарит этот толстый кусок говядины с костью, но и как ест. А это было не просто. Хотя с другой стороны – ничего особенного. Сто-

ило посмотреть какое-нибудь кино про пиратов, или мушкетеров и все станет понятным. Просто нужно иметь нож. И отрезать этим острым ножом мясо. Всё!

– Но нельзя сказать, чтобы так ели мясо первобытные люди, – написал зам. министра в своей диссертации. – Эксперимент, проведенный на детях младшего школьного возраста, и рабочих завода это подтвердил.

Однажды жена одного прапора с Зоны, работавшая здесь же буфетчицей решила по-хорошему справить День Рождения дочери. Она только что перешла в третий класс. И попросила начальника выделить для этого дела Алексея.

– Уж больно вкусно пахнет из его клетки, – сказала она. – Когда жарит он себе свой обед, у нас у всех просто слюнки текут. Мы всегда специально обедаем в это же время, когда он жарит мясо.

Начальник разрешил. Алексей сделал всем по четырехсотграммовому стейку. Радовался, что ребята, да и взрослые, наконец, пожрут настоящего фирменного мяса. Нет, и взрослые и дети пошли в отказ. Они не знали, как его есть. Пришлось сделать для детей, да и для взрослых тоже, котлеты. Остальную сумму компенсировали красной икрой. По фужеру каждому. Стейки начальник приказал раздать личному составу в счет сухого пайка. Дома все обрезали мясо с костей, и сожрали это вкусное мясо, как голодные волки. Почему же они не сделали точно также в ресторане? В данном

случае это была столовая. Но столовая, отделанная зеками резным деревом и чеканной бронзой. Неизвестно. Для этого, собственно, и пишутся диссертации.

Здесь произошло то же самое. Никто не мог понять, как есть это основное блюдо

– Стадо диких баранов, – хотела сказать София. Но передумала. Как мы только что доказали: дикие люди не умели есть стейки. Выходит – вопреки мнению школьного учебника – на заре человечества питались котлетами из рубленого мяса. Есть руками, без ножа, такой стейк не получится. Это не мягкая свинина. Это мясо потребовало бы зубов саблезубого тигра.

– Мясо очень мягкое, – начал объяснять гостям Алексей, – отрезайте его небольшими полосками или кусочками. И – никаких проблем.

– Это стейк по-флорентийски? – спросил Том.

– Да, – ответила Галя.

– На нем нигде этого не написано, – опять полез в бутылку Том. Но неожиданное происшествие прервало эту попытку Тома всех разметать.

– Такси! – вдруг крикнул кто-то. – Кто заказывал такси?

– Я!

– Я? – показал на себя пальцем Вальтер. – Ноу. Найн. Нихт. – Выдал он всю имеющуюся у него по этому поводу

информацию.

– Ты неправильно понял, дорогой мой Вальтер, – сказала Оксана. – Ибо... ибо я поеду одна. Ну, как я тебе обещала: мне надо попрощаться с друзьями.

– Я думал, твои друзья здесь! – воскликнул немецкий муж.

– Не все, – коротко бросила русская жена. И стала протискиваться к таксисту.

– Все ясно, – прошептала Даша. – Я узнала, ее видели на вокзале, на стоянке такси.

– Ты думаешь, она поехала прощаться с таксистами?

– Без вариантов.

– Я сейчас смягчу ситуацию, – сказала Галя после того, как долила всем красного сухого вина Саперави. – Ешьте мясо с Саперави! – крикнула она гостям. И добавила: – А хотите, есть Медвежья кровь. Кто будет Медвежью кровь?

– Я! – сказал Том. – Чувствую, мне надо добавить энергии.

– А потом, – опять крикнула Галя, – мы будем искать невесту! Традишен, – обратилась она к Вальтеру.

– В такси ее не найдешь, – сказал Вальтер по-немецки. Но все его поняли. Как будто сами раньше были немцами. Разными там штрейкбрехерами. Ведь все понимают, что Анна, Лиза, Катя – это немки. Так же, как Романов – немецкая фамилия.

– Никаких такси, никаких такси, – затараторила Галя. – Невеста будет прятаться в банкетном зале. Впрочем, это секрет.

Олеся пролезла к стойке бара.

– Я поеду на такси, – сказала невеста.

– Может не надо? – сказала Галя. – Немец может не понять.

– Он расстроится, – сказала подошедшая София.

– Я поеду на такси, – упрямо повторила Олеся.

– Пусть едет, – сказала Галя. – Разве ее отговоришь, если она настроилась. Да, Олеся?

– Конечно. Я об этом мечтаю уже две недели.

– Все ясно, – сказала Даша. Она тоже встала из-за стола. – Она пусть катается на такси, а Вальтер пусть ее ищет. Только надо найти кого-нибудь, чтобы на время заменить Олеся. Кого-то Вальтер должен выкупить.

– Я сама надену фату, и спрячусь в банкетном зале, – сказала Галя.

– Нельзя, – сказал Алексей. – Вдруг этот Вальтер после выкупа захочет трахнуть свою невесту прямо здесь?

– Так она поэтому и просится, – сказала Даша, хлопнув подругу Галю по плечу.

– Ну, а все равно больше некому, – просто ответила Галя. – Вы же не пойдете. Бойтесь изменить своему Алексею.

– Почему это мы боимся? – спросила Даша.

– За-рэ-жэт! – Галя чиркнула себе по горлу.

– Это верно, – ответил кто-то из влюбленных в Алексея дам.

– Я согласна.

– Кто?

– Я, – Нина выдохнула огромное облако дыма прямо в середину толпы, образованной Дашей, Галей, Софией и Алексеем. Олеси уже не было. Укатила с таксистом.

– А Томми? – спросила Галя. – Он не рассердится?

– Я с ним практически развелась.

– Тебя могут изнасиловать.

– Не получится.

– Почему?

– Я согласна.

– Согласна? – удивилась София.

– Да. Поеду... как это? Дранк нах Вестерн! Делать белокурых бестий. Я же тоже блондинка.

– Действительно, – сказала Галя, – все русские блондинки почему-то, а немцы черные, как негры.

– Генетика, – почему-то мрачно ответил Алексей.

– Давай, – сказали девушки, – прячься в банкетном зале. Там он тебя точно найдет.

Нинка пошла через кухню в банкетный зал.

– Фата! – крикнула ей вслед Даша.

– Что? – обернулась новая невеста.

– Фата. Не забудь фату.

– Ах, фата! Давайте, я возьму ее.

Олеси не было два часа. Вальтер уже четыре раза заплатил по сто западногерманских дойчмарок. Он нашел свою невесту, теперь уже жену, и чуть что – сразу туда, в банкетный зал.

– Во, как ему захотелось, – сказала Галя, – никаких денег не жалко.

– Так и бегают, так и бегают опять искать свою невесту, – сказала София. – Даже завидно.

– Да-а, – вздохнула Даша, и посмотрела на Алексея.

– Деньги, значит, есть, – сказала Галя.

– Фермер, – сказала София.

– Да?

– Я слышала, что он говорил про ферму. Думаю, размышлял о своем, оставленном на родине бизнесе. Что могут выращивать в Германии?

– Кроме мерседесов я ни о чем другом не слышал, – сказал Алексей. – Может быть, он имел в виду фирму, а не ферму?

Никто не успел ничего ему ответить. Подошел Том, и сказал, что сейчас всех разматает.

– Забыл, как его здесь жарили две недели назад, – сказала София.

– Кто забыл? Чего, ты там плетешь, коза? – пошел в атаку Томми. Алексей сразу ударил охранника о стену бара. Нем-

да в это время не было. Он опять искал свою невесту в банкетном зале три на пять.

Но Том на этот раз не ушел сразу в мир иной. Он, наконец, показал, что такое:

– Разметаю! – Все вокруг, даже Алексей, упали.

Том полетел в банкетный зал. Он за последние два часа только и слышал:

– Там, в банкетном зале на кухне. Там, в банкетном зале на кухне.

И он вошел не в ту дверь. В банкетный надо было идти мимо самой кухни, направо. Там была отдельная дверь. Он шагнул в первую дверь. Терпенья больше не было. Эта дверь ближе.

Никого. Том встал на колени и заглянул под огромные мойки из нержавеющей стали. На одной из них стояло еще не остывшее масло. Фритюр для картошки. Алексей, видимо, просто забыл убрать эту большую кастрюлю. Вставая, он задел масло спиной. Кастрюля немного покачалась, но все-таки упала. Масло полилось на спину, в широкие, даже огромные праздничные брюки, потом в ботинки за четыреста баксов. Подарил начальник, когда ездили во Францию.

Том сначала очень испугался, что масло слишком горячее, чтобы жар мог выдержать человек. И даже не закричал.

Смирился, что все, конец. Пиши предсмертную записку, как это делают некоторые служащие во Франции, если им нагрубит начальник. Начальник и его злые подчиненные, важно добавить.

– Да, это важно всегда помнить, – сказал Том, – враг не один, их всегда много.

Глава вторая

– А! А-а! А-а-а! – Том, наконец, понял, что горячо, и начал орать. Можно было бы сразу прыгнуть в большую мойку, и охладиться. Но тут уж не до размышлений. Он запомнил, что в банкетном зале есть минеральная вода в больших, пятилитровых бутылках. Сам таскал туда то, что не уместилось в холодильники. Теперь он вспомнил, где это находится. Вошел, схватил сразу две бутылки – и назад. Ибо увидел фату невесты, и склонившегося над ней Вальтера.

– Это уже какой раз, – мелькнуло у него в голове. Но думать сейчас было некогда. Том опять забежал на кухню сел в огромную мойку, и вылил на себя обе бутылки минералки. Жар немного утих, и Том понял, что можно включить кран холодной воды.

Он вышел в зал весь мокрый, но со счастливой улыбкой.

– Почти не жжет, – сказал он. И добавил: – Ничего страшного. – Он рассказал, что попал не туда и обжегся маслом. – Не понимаю, зачем ставить горячее масло на край мойки? – сказал он.

– Некуда больше ставить было, – сказал Алексей. – На этом газе я жарил стейки.

– Действительно, не на холодильник же его ставить! – весело сказал Том.

– Болит? – спросила Даша.

– Уже нет. Почти нет, – ответил Том.

– Надо смазать маслом, – сказала София.

– Он уже смазал, – сказал Алексей. И добавил: – Налей-ка нам, Галя, нашего любимого коньячку.

– Мартель? – спросила Галя, зная, что Алексей любит только Хеннесси.

– Нет,

– Камю?

– Нет.

– Хорошо, тогда я налью Хеннесси, – сказала она.

– Хеннесси у нее всегда надо просить три раза, – сказала Даша.

– Мы тоже выпьем, – сказала София.

– Я уже наливаю на всех, – сказала Галя.

Через два дня случились два события. Во-первых, Вальтер уехал в Германию с Ниной. Олеся растерялась. Она вроде настроилась уже отвалить отсюда в Дойчланд. Простилась со всеми таксистами.

– Что я такого сделала? – плакала она. – Мы, кажется, договорились, что только прощусь с прошлым навсегда. Где я найду другого немца?

– А где ты нашла этого? – спросила ее Даша.

– Я уже не помню.

– Надо вспомнить, – сказала София.

– Да, и найти там же другого, – сказала Галя.

– Я подумаю, – со слезами на глазах сказала Олеся.

Второе событие произошло с Алексеем. Его вызвали повесткой в милицию.

– Что им опять надо? – спросила Даша.

– Мы подождем тебя в парке, – сказала София.

– На каруселях, – добавила Даша.

– Здравствуй, здравствуй, член мордастый. – Начальник поздоровался с Алексеем, и предложил сесть на диван.

– Я обычно сижу на стуле, – сказал Алексей.

– Меня не интересует, что ты делаешь обычно, – сказал подполковник. – Я предлагаю тебе хорошие условия. Мягкий диван. Это тебе, так сказать, не тюрьма. Не нары.

– У меня в тюрьме был диван мягче этого. На пружинах.

– Меня не интересует, что у тебя обычно бывает. – Начальник улыбнулся. – Не узнаешь?

– Нет. А откуда?

– Верно. Верно! Черт побери. Ты ведь меня не знаешь. Но это не так важно. Важнее другое. Почему я тебя не знаю? Можешь объяснить?

– Что?

– Что? Объясни, кто ты такой. Это очень простой вопрос. И да: меня зовут Сергей Иванович. Сергей Иванович Зеленцов.

– Сергей Иваныч, – начал Алексей, но тут же остановился.

Ибо начальник поднял руку ладонью вперед.

– Стоп, стоп, стоп! Никаких уменьшительно-ласкательных имен. Мы не на гулянке. Понял?

– Я привык так говорить. Обычно... обычно Сергей Сергеич...

– Мне не интересно, что у тебя бывает обычно, парень. Говори просто и ясно: кто такой?

– Так бывший начальник милиции не передал вам разве секретную информацию обо мне?

– Генерал Яблоков? Нет, парень. И знаешь почему? – Сергей Иванович немного помолчал, вздохнул, и сам ответил на свой вопрос: – Генералы мне, паря, не докладывают.

– Я капитан Илларионов Алексей Викторович.

– Нет, нет, нет, – замахал руками Сергей Иванович, – только не это! Придумай что-нибудь другое.

– С какой стати? Не буду я ничего придумывать. Я...

– Нет, парень, нет. Алексей Илларионов погиб полтора года назад.

– Да? При каких обстоятельствах? – спросил на всякий случай Алексей.

– Погиб геройски. При задержании Серийника на корабле Либерец.

– Ну, хорошо, допустим. А тогда я кто?

– Это я тебя спрашиваю: кто ты, парень? Ходишь, расска-

зывает, что сидел в тюрьме в клетке, жарил там себе стейки.

– На Зоне.

– Тем более на Зоне. На Зоне клетка? Тебя не кажется, что это преувеличение?

– Любое преувеличение может при определенных обстоятельствах превратиться в реальность, – сказал Алексей.

– Допустим. Но что ты скажешь на это? – И начальник милиции показал Алексею фотографию... фотографию с его могилы. Там были видны даты. – Ты умер, капитан. И, как говорится, никогда уже не станешь майором.

– Нет, честно, – сказал Алексей, – это не лезет уже ни в какие ворота. А что вы скажете на это? – И он вынул из внутреннего кармана справку об освобождении. Начальник ее взял и прочитал:

– Илларионов Алексей Викторович. И т. д.

– Кстати, – Алексей закинул ногу на ногу, – я отсюда не уйду, пока не получу два ордена и денежную компенсацию.

– Два? – переспросил Сергей Иванович. И добавил: – А два-то за что?

– Один за взятие Серийника, другой за то, что сам отсидел полтора года, как Серийник.

– А денег сколько?

– Тройную зарплату за три года.

– Не много?

– Мне хватит. У меня бабло-то есть.

– Зарыл, что ли, перед Зоной?

– Так точно.

– Много?

– Это к делу не относится.

– Да-а, вижу Яблокову не зря дали генерала после работы с тобой. Надо было дать больше.

– Куда же больше? Маршала, что ли?

– Не маршала, конечно, но генерал-лейтенанта я бы дал.

И вот что, парень, я не знаю, кто ты, но ты будешь работать на меня. Как будто ты на самом деле Алексей Илларионов, капитан, работавший под прикрытием.

– Вы восстановите меня в звании?

– Не обещаю, но попробую. Надо еще придумать, как ты мог остаться в живых.

– Может быть, ликвидировать могилу, где я захоронен? – спросил Алексей.

– Пока не надо, – ответил Сергей Иваныч, – может еще пригодится. Иногда, парень, лучше считаться мертвым, чем живым. Ты согласен?

– Нет. Впрочем, я не знаю. Я никогда еще не был мертвым.

Подполковник встал.

– На какое имя тебе подготовить бумаги? – спросил он.

– Рядовой Райан.

– Я серьезно спрашиваю. Тебе жить-то с новым именем.

– Тогда этого, как его? Миссия невыполнима?

– Том Круз?

– Да. Думаю, это имя мне подойдет.

– Тебе бы больше подошло имя Форрест Гамп. Беги, Форрест, беги! И чтобы я тебя не видел до особого распоряжения.

Алексей двинулся к двери.

– Подожди. Вот, возьми документы.

– Так быстро?

– При... при работе под прикрытием быстрота решает все. Верно я говорю, капитан?

– Да, сэр.

– При чем здесь сэр? Ты, как и был – так и остался простым русским Иваном. То бишь, забыл, как тебя звать-то? Посмотрим там в паспорте.

– Алексей.

– Так вот, Алексей, тебе возвращено твоё прежние имя и... и есть известная фамилия. Иди, и помни: достойное имя и тем более, достойную фамилию надо заработать.

– Мне кажется, я заработал их уже несколько раз, – сказал Алексей.

Он уже открыл дверь, когда начальник милиции опять его окликнул:

– Что? Забыли деньги выдать за три года?

– Нет, пока нет, Алексей. Но... выпить хочешь?

– С вами?

– А сам-то ты как думаешь?

– После такого разговора, пожалуй, выпью. Самогонка?

– Почему самогонка? Сейчас, что, сухой закон? Мы пьем только Мартель. Принесли ребята с Нового универмага.

Они выпили, и Алексей ушел. Но неожиданно опять открыл дверь, и сказал:

– Скажите этим ребятам с Нового универмага, чтобы в следующий раз принесли хотя бы Камю. Ну, если хотят, чтобы вы считали, что они вас уважают.

– Что?

– Как?

Девушки очень волновались. Они знали уже, что Алексей работал под прикрытием. И теперь ждали его с орденами, медалями и деньгами.

Бутылка Хеннеси уже была на столе. Флорентийские стейки только ждали отмашки, чтобы их быстро обжарили на быстром огне. Неожиданно приперлась Олеся. Оказывается, она считала, что теперь ей здесь должны найти нового жениха.

– Я пришла, – сказала она, – Разрешите? – спросила она Алексея. И, не дожидаясь приглашения, села.

– Подожди, подожди! – закричала Галя. – Не успела. Хо-

тела поставить еще стул.

– Зачем? – спросила Олеся. – Всем места хватит.

– Ты уверена? – спросила Галя.

– Раз, два, три, четыре, – посчитала Олеся.

– Заколебали меня эти блондинки, – сказала Галя.

– А в чем дело-то, я не пойму? – сказала Олеся.

– Да ни в чем, – ответила Галя.

– А все-таки?

– А если ты все-таки настаиваешь, я скажу. – Галя вышла из-за стойки с рулеткой в руке. И измерила сначала плечи Олеси, потом ширину стула.

– Ну, и что получилось у тебя? – спросила Олеся.

– Получилось, как в лучших домах Лондона, – ответила Галя. – Шестьдесят на девяносто.

– Где шестьдесят и где девяносто? – спросила Олеся.

– С тобой все ясно, – сказала Галя. – Заколебали меня эти блондинки!

– Че она хотела-то? – обратилась Олеся к Даше.

– Хотела еще один стул подставить, – сказала София, видя, что Даша замялась, не зная точно, как объяснить Олесе, что ширина стула не совсем соответствует ширине могучей дамы.

– Да ладно! – улыбнулась Олеся, и махнула рукой. Да так, что задела Алексея. Чуть-чуть, по локтю. Так бы ничего осо-

бенного, но парень как раз подносил ко рту черную кружку, в которой было кофе с очень толстой пенкой. По какому-то из законов Ньютона пенку после удара по локтю выбросило вверх. Алексей проводил ее взглядом, и успел отодвинуть ногу. Кофе пролетело мимо. Но часть его все-таки осталось на столе. – Я сама уберу, – сказала девушка. Она спокойно взяла тряпку, которую попросила у Гали в баре, и вытерла стол. – Никаких проблем, – сказала она.

– Может, еще пол вытрешь? – сказала Галя.

– Могу. Где тряпка? На кухне? – И она принесла с кухни швабру с тряпкой. Пересядьте пока за другой стол, – сказала Олеся. – Или по стойте у бара.

– Деловая, – сказала София.

– Ей бы... – хотела что-то добавить Даша, но Олеся сама продолжила:

– Ей бы детей рожать на немецкой ферме. Маленьких белокурых бестий. А она тут пол вытирает.

– Кстати, – сказала Галя, когда ребята опять уселись за стол, – ты не хочешь здесь поработать?

– Кем? Проституткой? – просто спросила Олеся.

Галя хотела сразу предложить Олеся работу уборщицы. Но такая простота дамы шокировала даже ее.

– Ты меня удивляешь, – сказала Галя. – Нет, конечно. Официанткой пойдешь?

– Seriously? Конечно, пойду. А я-то думала, что уборщи-

цей предложите. Серьезно.

– Уборщицей тоже можно, – не удержалась Галя. Ну, а где брать этих уборщиц, мать их?! Не все же работу в этой лавочке делать самой. – По совместительству, – добавила она.

– Я согласна. И да: а деньги, когда получать? Я имею в виду, каждый день или раз в месяц.

– Первая зарплата через... в общем, получка пятнадцатого, аванс двадцать пятого.

– Сегодня аванс взять нельзя? Я, знаете ли, поиздержалась немного. – И она захохотала так, что многие, да можно сказать, что почти все, не удержались, и тоже засмеялись. Сами, не зная, чему.

– Стейки жарить? – спросила Галя.

– Я думаю, сегодня мы будем жарить мясо на природе, – сказал Алексей. – Все согласны.

– Я не могу согласиться, – сказала Галя. – Мне надо работать.

– Мы тебе принесем мяса, – сказала Олеся.

– Ноу, сенкью, – ответила Галя.

– А в чем дело?

– Дело в том, что ты принята на работу. Более того, ты сегодня работаешь.

– Ну-у! Мне не хочется.

– Перехочется. Я должна еще до вечера обучить тебя ос-

новным приемам приема заказов. А то ведь забудешь все на – слово на х. Сегодня у тебя будет всего три разных мяса. Запомни, чем они отличаются, и предлагай гостям. Не дай бог, если я услышу, что ты не в курсе, что это за мясо. Поняла?

– Конечно. Хотя надо бы, конечно, каждое из них сначала попробовать. Просто так, умственно, я думаю, запомнить, чем отличается одно мясо от другого, будет трудно. Более того, как вы говорите, просто невозможно. Давайте, вот сейчас они уйдут, а мы все эти три мяса попробуем? Кстати, про рыбу вы ничего не сказали? Рыба...

– Никаких рыб. Мы не японцы. А осетрина здешним жителям не по карману.

Они все выучили, но, как назло именно Олесе заказали четвертый вариант мяса. Пришел известный адвокат Семенов с двумя молодыми телками и сказал, что:

– Дамы хотят... шашлык. Элементарно, Ватсон? Шашлык. – И он пошел курить.

– Неужели вы любите шашлык? – спросила Олеся оставшихся за столом девушек.

– Есс! – ответила одна.

– Очень! – сказала вторая.

– Может быть, стейк по-флорентийски? – спросила официантка.

– Мей бы, – сказала Таня. Первая.

– Но позже, – добавила Оля. Вторая. – Мы выкажем неува-

жение Семену Семеновичу, если переиграем заказ.

– Вы можете это понять своим толстожопым умом? – мягко спросила Таня.

– Нет, вы не обижайтесь, – сказала Оля. – Но надо же иметь совесть. Зачем вы настаиваете на том, чего мы не хотим? Сказано же вам: шашлык! И валите на – сл. на х – отсюда.

– Чё делать? – Олеся подошла к стойке бара, где Галя стояла у кассы и пробивала чеки на кухню. – Эти телки ругаются, и не хотят менять заказ на другое мясо.

– А что с ними делать? – сказала Галя, продолжая пробивать. Уроды. Им не докажешь, что у нас нет шашлыка. Ты им предлагала отбивную, фаршированную яблоками и луком?

– Не успела. Они не хотят даже слушать разумные речи.

– Боятся Семена. Он сделал заказ – всё, – производное от слова на букву п.

– А он, что, злой?

– Нет, добрый. Пока не разозлится. Пьяный вообще отморозок. Обязательно полезет на кухню. Я там придумала ставить, когда он придет, горячий чайник, чтобы он обжегся и больше не ломился на кухню. – Она помолчала. – Где эти друзья? Непонятно. Алексей обещал вечером помочь жарить мясо, а сам... а сам не идет.

– У него две дамы, – сказала Олеся. – Пока туда – сюда, это, то. Их не дожدهшься. Придут поздно.

На кухне в это время был Валера. Пришлось за ним сбегать через дорогу. Повар, который приходил за день этого стажироваться, сегодня не пришел. А зачем приходиться? Галя так ему и сказала?

– Придешь? Лучше не приходи. Ясно, что не можешь угадать степень прожарки медиум, которая у нас обычно идет. То у тебя с кровью получается, то Велл Даун.

– Что такое Велл Даун? – спросил новый повар.

– Полный отстой. Понял?

– Понял. Хорошо. Я приду.

– И не пришел. Тварь бессмысленная, – резюмировала Галя.

– Да молодые они все с приветом, – поддержала Галю Олеся. И добавила: – Но делать что-то надо.

– Валера сделает шашлык.

– Да? А в чем тогда проблема?

– Да никаких проблем, – ответила Галя. – Просто опять уйдет.

– Почему?

– Семен опять ему на голову этот шашлык наденет.

– Не понравится, что ли? Перемаринован?

– Если бы. Пережарит.

– А зачем пережаривать-то? – не поняла Олеся.

– Да, – сл. на х – его знает. Начнет думать о чем-то. Будет курить, смотреть в окно и думать. А шашлык пережарится.

Объясняла, объясняла ему, что от мяса нельзя даже глаз отрывать, пока оно жарится. Нет, он должен обязательно о чем-то подумать.

– Ну и ну, – покачала головой Олеся.

– Да полный Даун.

– Почему он так делает? – удивилась Олеся.

– Ты его спроси, почему он трахается всю ночь. А потом днем у него крыша едет. Спать хочет. Вот и стоит, прикидывается, что думает.

– А на самом деле спит?! – ужаснулась новая официантка.

– Тем более, у нас нет вырезки для шашлыка. Обычный карбонад надо долго мариновать.

– Иначе будет жестким, – сказала Олеся. – Я знаю, пробовала не маринованный. А чурки жрут.

– Так они жрут баранину или говядину. Ту же самую, из которой мы делаем флорентийские стейки. Их можно даже не солить перед жаркой.

– Потом?

– Потом суп с котом. Что делать будем?

– Может дать ему?

– Что? – не поняла Галя.

– Ну, как что? Это самое.

– Бесполезно. Трахнет, а потом все равно будет требовать шашлыки. И чтобы был сочным! Наглый, как танк.

– Если бы была Дашка, она бы уговорила его, – сказала Галя.

– Через это дело? – спросила Олеся.

– Не обязательно. Ведь стейки очень хорошие. Лучше шашлыка.

– Почему он их не берет?

– Так с ними надо возиться. Надо, чтобы кто-то обслуживал, подходил, отрезал мясо с кости. Или надо ставить на стол воду с лимоном для рук. Да и то бесполезно. Он не сидит на месте. Бегает, то на улицу, то в фойе, то на кухню, то танцевать. Когда ему заниматься стейками?

– Свинья, – сказала Олеся.

– Ты смотри по тише, – сказала Галя. – А то услышит, из тебя из самой свинью сделает.

– Сожрет?

– Сначала трахнет.

Появились дамы со своим Алексеем.

– Вы пришли? – сказала Галя.

– Какие-нибудь проблемы? – спросила Даша.

– Мы решаем любые проблемы, – должна была бы сказать София. Но она промолчала. Галя даже удивилась.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– Нет, – ответила Даша. – Если не считать того, что никто не трахнул. – Она сохраняла присутствие духа. Но явно что-то случилось.

– Нужна ваша помощь, – сказала Галя. – Пришел Семёнов, требует шашлык.

– А в чем проблема? – спросил Алексей.

– Мы сегодня шашлык не готовим.

– Почему?

– У нас бренд: три мяса, – сказала Галя.

– Отличный бренд, – сказал Алексей. – Но в виде исключения можно поджарить и четвертый.

– Мясо не замариновано.

– Вырезка есть?

– Нет.

– Куда же ее дели? Только закупили тридцать килограммов. Всю отбили, что ли?

– Так точно, сэр.

– Зачем?

– Я не знаю. Спроси у Валеры. Впрочем, я сама ему сказала, чтобы отбил побольше. Ведь сегодня у нас идет два мяса из отбивных. Одна просто отбивная, а другая фаршированная зелеными яблоками с луком.

– Нет, извините, но надо было быть полным идиотом, чтобы отбить все. Я бы убила этого Валеру, – сказала Даша.

– Это можно, – сказала Олеся. – Он на кухне.

– Сейчас мы его грохнем, – сказала Даша. – Как смел этот ублюдок появиться здесь.

– Да бесполезно, – сказала Галя. – Я его позвала. Вы-то

хотя и обещали помогать, сами свалили на природу.

Валера, естественно, все сразу свалил на Галюю.

– Так она мне сказала, чтобы отбил, как можно больше вырезки. Я что, его считал. Теперь пусть сама разбирается с этим адвокатом. Если он зайдет сюда, я с ним связываться не буду. С меня хватит прошлого раза.

– Что он сделал? – спросил Алексей.

За повара ответила вошедшая на кухню Галя.

– Вызвал наряд милиции, – сказала она, – и предложил забрать Валеру, как потенциального подозреваемого в убийстве.

– Вы посмотрите, говорит, у него кровь на руках. А Валера, как ненормальный, начал спорить с ментами, что это не человеческая кровь.

– А что это было? – спросила София.

– Это был томатный соус с добавлением красного вино. Но это бы еще ничего, – продолжала Галя, – этот Валера – она кивнула на повара – сказал, что менты мудаки.

– Это же надо быть такими мудаками, сказал я. – Валера от волнения бросил жарить картошку, и встрял в разговор. – А они, оказывается, еще не вышли из кухни. – Два дня сидел в КПЗ. Пришлось нанять адвоката. Мне сказали, что от таких дел отмазывает только Семенов.

– Почему только он? – спросила София. А Даша ответила:

– Потому что он не ломает голову, как другие адвокаты. Его знают все судьи и следователи. Со всеми договаривается – и больше никакой работы. Натягивает всех однозначно. К нему очередь на полгода вперед. Сейчас может и больше. Если он согласился защищать – победа в суде обеспечена. И часто и до суда. Решит любые проблемы. Хоть с блатными, хоть с чиновниками.

– Просто монстр какой-то, – сказал Алексей. – Удивляюсь, почему я о нем ничего не слышал.

Обе дамы – и Даша, и София – выразительно посмотрели на Алексея, но ничего не сказали.

– Я удивляюсь, как милиционеры могли без письменного подтверждения забрать повара прямо с работы, – сказал Алексей.

– Да у него и сын тоже мент, – сказала Даша. – Позвонил сыну – да и все. Видимо, Валера, ты разозлил его капитально. Колись, в чем дело? Уверена, что не из-за мяса.

– Хорошо. Скажу. Не из-за мяса. Просто он хотел трахнуть мою Свету, – Валера прикурил новую сигарету от уже догоревшей до пальцев.

– Какую Свету?

– Да Светку! – сказала Галя. – Была здесь такая маленькая официантка.

– А где она сейчас?

Галя убежала в зал. Олеся приоткрыла дверь и звала ее

интенсивными движениями руки.

– За что ее выгнали? – опять спросила Даша.

– Как сказала Галя, – сказал повар: – За систематический чрезмерный обсчет клиентов. Даже зарплату не выплатила. Говорит штраф за беспардонный обсчет.

– Здесь нет штрафов, – сказала Даша. – Это я объяснила Гале, что штрафовать бесполезно. Еще больше воровать и обсчитывать будут.

– Света ей тоже так сказала. А она говорит, что это не штраф, а просто компенсация за причиненный кафе моральный ущерб. Ведь этой Гале все по барабану, – добавил Валера. – А теперь работать некому.

Галя опять появилась на кухне.

– Вы садиться за стол будете? – спросила она. – Там народу навалило почти полный зал. Если будете, надо занять место.

– Может быть, лучше сядем в банкетном? – сказала Софья.

– Там мало места, – сказала Галя, – все завалено товаром.

– Хорошо, мы сядем в зале, да, Алексей? – сказала Даша.

– Да, – ответил Алексей, – только мне надо умыться.

– Всем надо, – сказала Софья.

– Я тогда поставлю на ваш столик у телевизора табличку: ВИП.

– Разумеется.

– И да: – добавила Галя, – вы немного не поможете здесь на кухне. Валера не справится.

– Конечно, не справлюсь. Полный зал. И все, как назло будут заказывать жареную картошку. А картошку жарить некому, – сказал Валера.

– Там пришла одна телка, – сказала Галя. – Думаю, испытать ее еще раз. Пусть сегодня жарит картошку.

– Кто это еще? – спросил Валера.

– Да так – сл. на х – ее знает кто, – ответила Галя. – Пойду ей скажу. Так что за картошку не беспокойтесь. Она пожарит. А ты, – Галя показала кулак Валере, – не приставай к ней на работе. А то я тебе честно говорю: поджарю на плите, как мы поджарили на помолвке охранника Тома.

Далее, появление Светы-официантки. Потом приходит Том. И еще – Итальянец.

Глава третья

И все же им пришлось сесть в банкетном зале. Пока Алексей, Даша и София умывались, одевались, красились, в зале возник спор из-за их стола.

– Представляете, пришел этот предприниматель, Пилигин. Хочет занять ваш стол, – сказала Галя. – Че будем делать?

– Пусть садится, – сказала Даша.

– Да, мы уместимся в банкетном между коробок, – сказала София.

– Тем более, нам придется одновременно работать на кухне, – сказал Алексей. – Мы вообще могли быть здесь жить.

– Да, был бы народ, – невозмутимо сказала Галя. И добавила: – Тогда так: этот Пилигин заказал три флорентийский стейка.

– Их трое?

– Три килограммовых стейка на четверых, – сказала Галя. – Это нормально. Он вообще просил три стейка по два с половиной килограмма каждый. Говорит, что ел такие в Италии.

– Ну, ты сказала, что у нас нет таких больших коров? – спросила София. – Надеюсь...

– Простите, но мы используем для питания наших гостей только быков, – сказала Галя, и вышла в зал.

– Чего это она? – спросила София.

– Думает, что ты имела в виду себя, – сказала Даша. – Я имею в виду подсознательно.

– Нет, я просто так сказала.

– Ну, я и сказала, что ты хочешь этого предпринимателя не сознательно, а подсознательно. А она, – Даша кинула на дверь в зал, – сознательно.

– Нет, я люблю Моцарта, – сказала София.

– Почему Моцарта? – спросила Даша. Потом добавила: – Ах, да, Моцарта. Я тоже.

Они взяли Алексея под руки, и повели в банкетный зал.

– Подождите, дамы, – сказал Валера, – я один не справлюсь. Алексей, ты, может быть, останешься?

– Сейчас мы выпьем холодненького шампанского, и я приду.

– Ага.

Вошла бывшая официантка Света. Она сразу хотела броситься на шею Валере, но повар предостерегающе поднял руку.

– Мы здесь не за этим, – сказал он. – Надо работать. Картошку жарить умеешь?

– Конечно, умею.

– Давай, жарь. Бери сразу две сковородки с толстым дном.

По три порции в каждой.

– Может быть, сначала начистить по больше и нарезать?

– Без сомнения.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– Я начинаю.

– Тебе выдали паспорт? – спросила София.

– Да, – сказал Алексей. Он раскладывал вино и закуски на столике.

– Можно посмотреть?

– Я первая, – сказала Даша.

– Посмотрим вместе. – Они открыли паспорт Алексея и ужаснулись.

– Ты немец? – спросила Даша.

– Я немец? Почему? – удивился Алексей.

– Я даже не догадывалась, что твоя фамилия Моцарт.

Алексей подошел и заглянул в раскрытый Софией паспорт.

– Моцарт Алексей, – прочитал парень. – Не может быть! –

Он взял и повертел паспорт в руках. – Это мой паспорт? Где вы его взяли?

– Да, твой, твой, – сказала София, – я взяла его в твоей сумке.

– Тем более, здесь твоя фотография, – сказала Даша.

Они находились на кладбище. На могиле Алексея. Он сам ее нашел. Они ходили, ходили по кладбищу, но такой могилы не было.

– Чего мы ищем? – спросила София.

– Кого мы ищем? – сказала Даша.

– Когда найду – скажу, – ответил Алексей. И вот нашли. Правда, пришлось дать на бутылку сторожу, который подумал, подумал, и, наконец, показал ребятам эту могилу.

– Когда это было? – спросил Алексей.

– Так на могиле, чай, написано, – сказал сторож. – Впрочем, сейчас я подумаю. Сейчас, сейчас вспомню. – И вспомнил: – Два года назад. Даже меньше. Ну, где-то так. И да: может, еще на закуску у вас еще есть бабло? – добавил он.

– Хорошо, вот тебе пятак серебром, – сказал Алексей, и дал сторожу столярник. Он посмотрел на деньги, и сказал, что пятак-то они за полтинник считают. А тут, выходит, два пятака.

– Так серебром! – рассмеялись девушки. – Серебром в два раза больше!

– И то правда, – ответил сторож. – Пойду куплю кило краковской и хлеба батон, да буханку черного.

– Вы – немец? – осведомилась София. И почему-то даже на Вы.

– Я-то? – переспросил Алексей и вдруг задумался. – Да, пожалуй, немец, – сказал он.

– Для немца вы слишком хорошо говорите по-русски, – сказала Даша.

– Я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков, – ответил Моцарт.

– А у вас какая специальность? – осведомилась София.

– Я – специалист по черной магии.

– Ох, Моцарт, Моцарт! – воскликнула Даша. И добавила: – Хватит врать. Это я специалист по языкам и также по черной магии.

Они выпили, закусили.

– Что бы это могло значить? – спросила София, в очередной раз оглядываясь на мраморный памятник с фотографией Алексея. – Может быть, это не ты, – добавила она. – Фамилия здесь другая, не Моцарт. Илларионов.

– Так это и была его фамилия, – сказала Даша. – Я помню. – Вдруг Даше показалось, что между ней и Алексеем возникла невидимая преграда. – Алексей, нас разделяет ограда, – неожиданно для самой себя сказала она. – Точно, тебе говорю. Вот только что она появилась. И даже сейчас еще вибрирует. Настоящая стена.

– Брось выдумывать, Даша, – сказала София. – Я боюсь привидений на кладбище. А что? Я слышала, они иногда появляются. Особенно вечером. Кажется, что все покойники уже собрались. Надели выходные одежды, ждут, когда все уйдут с кладбища. А вы, как назло, тут. Они, естественно, на-

чинают злиться. И честно вам говорю, это чувствуется. Лучше их не злить, и быстрее, быстрее уходить.

– Еще не вечер, – сказала Даша. И добавила: – А привидения уже здесь. Точно вам говорю, я чувствую стену.

– Я тоже, – сказала София.

– Не ври, София, – сказала Даша. – Ты не экстрасенс, ты не можешь ничего чувствовать. Нет, вот что интересно! Между мной и тобой тоже появилась ограда. Кошмар!

– Что это может значить? – спросил Алексей.

– Это? Думаю, это значит, кто-то из нас действительно умер. Или вы, – Даша обвела эллипсом Софию и Алексея, как будто переносила часть текста в другое место и в другое время, – или я. Мама! я потеряла тебя, Алексей. – Она горько заплакала.

– Ты много выпила, подруга, – сказала София, – успокойся. Успокойся, мы все здесь. В одном месте.

– Мне кажется, вы умерли. Нет, правда. – И она опять заплакала.

– Ты просто много выпила, – сказала София, и тут же подумала, что они выпили только по полстакана красного сухого вина. – И да: как нам теперь вас называть?

Алексей подумал.

– Лучше, наверное...

– Моцарт, – сказала София.

– Лучше бы, конечно, Алексей, – сказала Даша. Она помолчала и добавила: – Но, думаю, теперь уже это невозможно. – И она опять заплакала.

– Ну, что ты плачешь? – Алексей обнял Дашу. – В чем дело? Что случилось?

– Что-то случилось, – сказала Даша, и заплакала еще сильнее.

– У нее нервный срыв, – сказала София. – Не пойму только, с какой стати?

– Может, мы действительно умерли? – сказал Алексей, и, обернувшись, осмотрел кладбище.

Никого, кроме них, не было.

Между прочим, Алексей побывал в библиотеке, и сделал выписки из толстой книги. Как-то:

– Могут ли покойники видеть на расстоянии? Например, на другом конце города? Или на километр, на двести метров? Просто пронестись взглядом через расстояние между домов и машин, и увидеть кого-то, напр., на стоянке такси, или у подземного перехода? – Далее:

– Убитые покойники через несколько минут исчезают. И могут опять появиться только через три дня.

Как исчезают те, кто не был убит? М.б., рядом убили кого-то? И они могут уйти вместе с ним по открывшемуся каналу?

Как убрать покойника надолго или даже навсегда? Из ре-

альной жизни?

Меняется ли судьба человека умершего, а потом опять появившегося «на людях»?

Умершие могут попадать сюда, а настоящее, на экскурсию?

Они остаются Там, в Прошлом, живыми. Раз в год к ним можно при... прибыть в гости.

– Лучше вы к нам!

Может быть, человек таким и является? Не рожденным, а опять ожившим.

Вошла Галя и поставила на стол один большой флорентийский стейк.

– Ты не забыла, что мы заказали три? – спросила София.

– Но не сразу же?

– Да. Но главное, чтобы ты не забыла. А то, как прошлый раз раздашь все флорентийские, а мы после говядины есть свинину не будем.

– Почему?

– Просто не ползет. Можешь себе представить: есть хочется, а ничего вкусного и сочного нет.

– Ладно, ладно, – сказала Галя, – я все помню.

– Ну, ты точно записала? – спросила на этот раз Даша. – Мы ведь сегодня ничего не ели. Так что не дай боже, ты толкнешь кому-нибудь за чаевые наши стейки.

Почти все стейки Алексей жарил сам. Приходил из бан-

кетного и жарил. А Даша уговорила адвоката взять на троих флорентийский стейк.

– Я сама обслужу вас, – сказала она. – Покажу вам, как его резать. В принципе очень просто. Нужен только острый нож.

Вроде бы никаких проблем. Но проблема все-таки возникла. Адвокат подарил часть своего стейка девушкам с другого стола.

– Как так? – не поняла Даша, когда Галя пришла к ним в банкетный зал, и сказала, что сейчас опять будет скандал с адвокатом.

– Вот так, – сказала Галя. Мы этот стейк разрекламировали, а адвокат стал рассказывать девушкам с другого стола, что стейк этот флорентийский очень вкусный. И пока его дамы танцевали, он угостил этих других дам, с другого стола, своим стейком. Когда пришли его дамы, стейка уже не было. Все сожрали соседки. Чуть не началась женская драка.

– Хорошо бы устроить бой, – сказала София. И добавила: – За двухкилограммовый флорентийский стейк.

– Здесь нет таких. Сколько можно повторять. Не больше килограмма. Редко кило двести.

– Теперь адвокат хочет еще один стейк, – сказала Галя. И добавила: – Да и этот предприниматель, которого охраняет Том – тоже.

– Что?

– Говорит, мне на вечер еще один.

– Я так и знала, – сказала София.

– Ты хочешь отдать им наши два стейка? – спросила Даша. – Да вот – сл. на х – им.

– Иди сама с ними поговори. Даша, сходи, – попросила Галя. – Я ничего не могу с ними поделаться.

– А что я им могу предложить? Себя, что ли? Или вон, Софию? После этого мяса другое они есть не будут.

– Сами напросились, – сказал Алексей.

– Кто знал, что сегодня столько нормальных людей припрется? – Галя закурила, и выпустила вверх длинную струю дыма. – Хорошо еще, что Том не выступает, – добавила она.

– Помнит, как прошлый раз его здесь жарили – вот и не дергается, – сказал Алексей.

– Это еще ничего не значит, – сказала Галя. – Если у него переклинит, забудет все, что было. И хорошее, и плохое. Вспомнит только, что его Нинку увез немец в Германию. И начнется!

– Он уже так делал? – спросила София.

– Да. Только не здесь. Рассказывали, что сломал два стола и несколько стульев в Випе. Одному официанту сломал нос, а с официантки сорвал всю одежду до пояса.

– Снизу, или сверху?

– Сверху. Прибежал охранник, Томми кинул в него стулом, он убежал вниз вызывать милицию. В общем, если

вспомнит, надо кого-то ему подсунуть, – сказала Галя. И добавила: – Я бы сама согласилась, но у меня вид не тот. Вот София, или ты, Даша, подойдете.

– Можешь на нас рассчитывать, – сказала София. А Даша ее поддержала.

– Я с вами, – сказал Алексей.

Сначала на кухне появился адвокат.

– Я зашел только спросить, – сказал он. – Мой флорентийский стейк в порядке? Никто его не съел? – И тут же добавил: – Закури, Валера. Мальборо. Настоящие, американские.

– Мне тоже можно? – спросила малышка Света.

– Тебя? Только через банкетный зал, – серьезно сказал Семен Семеныч.

– Да вы что, Семен Семеныч, я прошу только сигарету, – сказала Света.

– Не надо, Семен Семеныч, это моя личная девушка, – сказал Валера.

– На работе не может быть никаких личных девушек, – сказал адвокат. – Ты помнишь Билла Клинтона? Он попал в историю из-за того именно, что имел свою личную девушку на работе. А этот, как его? француз? Тоже доприставался на работе к уборщицам. Ты к уборщице не пристаешь?

– А у нас нет уборщицы, – опять встряла Света.

– За то, что ты меня перебиваешь, сейчас скажу Гале, что-

бы перевела тебя в уборщицы.

– Я согласна, – сказала Света.

– Валера, ты знаешь, что существует синдром уборщицы?

– Нет,

– Он так и называется: синдром Асмолова. Почему? Он его открыл, и сам испытал на себе.

– А в чем он заключается, Семен Семеныч? – спросила Света.

– В чем? Вот представь, что ты уборщица, а я показу на примере, что это значит.

– Хорошо. Я и так знаю, что эта – сл. на е – Галя переведет меня в уборщицы. Или, по крайней мере, заставит работать по совместительству.

– Это хорошо. Значит, ты готова. – И он схватил Свету, и потащил в банкетный зал.

– Там занято, – сказал Валера.

Услышав, что банкетный зал занят, Семен потащил Свету на мойку.

– Семен Семеныч, что вы делаете? Это моя телка.

– Нет, конечно, я не возражаю, пожалуйста. Но, пойми, Валера, если у меня синдром Асса, я не могу удержаться. У меня перед глазами только одна фраза:

– Больше всего на свете хочу уборщицу.

И добавил:

– Для некоторых деятелей уборщица и работница их офи-

са это одно и то же. А уж секретарш-то я... Впрочем, – он остановился, и не стал дальше развивать свою теорию. – Кто там?

– Где?

– В банкетном?

– Так, знакомые Гали.

– Я... впрочем, в другой раз. Я пошел, не забудьте про мой стейк. Валера, еще закурить хочешь

– Да, только я не докурил еще эту.

– Можно, я предложу сигарету твоей девушке? Она ведь еще не уборщица?

– Нет.

– А вы знаете, что у меня есть скидка?

– Скидка? На что? – спросила маленькая Света.

– Я имею право предложить интимную связь девушке, даже если она еще не совсем уборщица.

– Это такой закон есть во Франции, что ли? – спросила Света.

– Почему во Франции?

– Там постоянно идут разборки между членами парламента и уборщицами.

– Ты права. – Адвокат уже открыл дверь в зал, и добавил: – Вы не спросили, за что мне всегда делается скидка от женщин. За что мне всегда дают больше, чем я прошу. И не только уборщицы.

– Да, за что? – спросила Света.

Семен Семеныч ничего не ответил. Но выразительно похлопал себя по лысине. Прежде чем закрыть дверь.

Следующим на кухне появился Том.

– Я не помешаю, – сказал он. – Дело в следующем. Мой босс хочет посмотреть вашу кухню.

– Зачем? – спросил Валера.

– Надо спрашивать у нашего босса, – сказала Света.

– Ей некогда, – сказал Том, – народ в баре завалил ее заказами. И да: мой босс хочет тоже открыть кафе. Здесь неподалеку.

– Где неподалеку?

– За углом.

– Название уже придумали? – спросил Валера.

– Да, обычно все начинают с названия, – сказала Света.

– За углом.

– Что за углом?

– Так и будет называться, – ответил Том.

– Неплохо.

– Оригинально.

Появился Валентин Пилигин вместе с Томом. Не успели они осмотреть устройство мойки, как вошла Галя.

– Так, друзья мои, это промышленный шпионаж, – сказала она почти с порога. – С вас двойной счетчик. Счет, я хотела

сказать.

– Да хоть тройной, – сказал Валентин. – Но мне надо посмотреть еще банкетный зальчик.

– Зайчик? – переспросила Галя.

– Банкетный зальчик. Послушай, зальчик, а не зайчик.

– Нет.

– Почему?

– Там люди.

Драка все-таки началась. И началась она из-за флорентийского стейка. Хотя Алексей, Даша и София и отказались от двух своих стейков в пользу Валентина и адвоката, нашелся еще один бластной, кто захотел этот великолепный стейк. Но его уже не было.

Его звали Итальянец. Стейка не было. Он начал приставать к Гале. Потасил ее в туалет. Хотел, чтобы она прямо там, в кабинке, сделала ему минет.

– Идем, – сказал он, – я приготовил тебе русский стейк.

– Я никуда не пойду.

– Хочешь получить по – производное от сл. на букву е? – сказал Итальянец, и придвинулся поближе к стойке, чтобы достать Галю. И он даже махнул. Правда, пока что ладонью. Галя сделала шаг назад, и он не достал.

Но Галя по запарке допустила профессиональную ошибку. Оставила на стойке полбутылки коньяка. Бутылка стояла хотя и за уступом, но дотянуться можно. Надо было по-

ставить его назад. Там был стол для вина. Но Галя не сделала этого, после того, как налила кому-то пятьдесят этого великолепного Мартеля. Итальянец взял этот коньяк и прямо у стойки начал пить из горла. Не весь сразу, а так, делает пару глотков, посмотрит на Галю, еще пару. Он допил весь коньяк – а это почти полбутылки – поймал Галю, когда она выходила из двери бара, и потащил в туалет. Тварь. Уже в туалете, в самой кабинке, она вырвалась и убежала.

Итальянец вышел из туалета и хотел зайти прямо в бар, но увидел выходящую из кухни Олесю.

– Иди сюда, тварь жопастая, – сказал он. – Стой, я тебе сказал. – Он обхватил новую официантку за талию, и, прямо с подносом начал тянуть в проход, в сторону фойе, где был туалет.

Тут у Тома тоже переклинило. Он почему-то подумал, что Олеся это его девушка. На самом деле его девушкой была Нинка. Но она уехала с Вальтером в Германию. Видимо, Том уже раньше думал об этом. О том, что надо заменить Нинку на Олесю. Тоже лошадь скаковая. Пахать можно. Он об этом думал, но забыл. А сейчас вспомнил.

– Ты куда, падла, мою телку потащил?! – крикнул он итальянцу.

Итальянец бросил официантку, как обертку от съеденного мороженого. Так это оттолкнул небрежно. Но не сильно.

Дама даже не покачнулась. Тварь, подумала она, и решила содрать со своих клиентов не по десять процентов от заказа, как разрешала делать Галя, а по пятнадцать.

– Может даже по двадцать, – сказала Олеся, и двинулась к своему столу. – Легче на стоянке такси работать, чем здесь, – добавила она, обращаясь к голове медведя, которая висела у стойки бара.

А ребята сцепились. Точнее, Итальянец успел провести только один прием. Свой коронный. Он в падении подсек наступающего на него Тома. И удачно. Томми не ожидал. Опорная нога его ушла назад, и квадратный охранник упал. Упал прямо носом под медведя. Тому показалось, что он прыгнул с крутого берега в воду вниз головой. Но дно оказалось ближе, намного ближе, чем он рассчитывал. Вот так! Тому опять не повезло в этом кафе Охотник. Один раз его поджарили, а теперь он сломал шею. Чуть не сломал. Просто свернул. Не мог смотреть вперед, а только вбок. Он попросил Олесю отвести его туда, где он сидел раньше.

– Я забыл, честно, – сказал Том.

А Итальянец не успокоился. Воспользовавшись тем, что адвокат опять убежал куда-то, он сел за его стол к Оле и Тане. Отрезал кусок стейка, попробовал, сказал:

– Вкусно, между прочим, – потрогал девушек за сиськи, резюмировал, что: – Практически одинаковые, – и отлетел

к телевизору с прострелянной башкой.

Прибежал адвокат, и повернув несколько раз голову убитого Итальянца, начал орать, что это его хотели убить.

– Меня заказали! Перекрыть все входы и выходы! Кто стрелял? Валим отсюда, – обратился он к своим девушкам.

Потом успокоился и кому-то позвонил.

– Так мы уходим, Семен Семенович? – спросила Таня.

– Думаю, уже поздно. Нет смысла спешить, – сказал адвокат. Он опять зачем-то выбежал на улицу. И, наконец, опять появился на кухне.

– Энд вот эбаут ю, – сказал он. – Видимо, это должно было означать: – Это опять я.

– Окей, – сказала Света. – Что-нибудь нужно?

– В банкетном кто-нибудь есть?

– А что?

– Мне срочно нужен секс. Иначе я не выдержу нервного напряжения. Вы знаете, что убили Итальянца?

– Нет, – ответил Валера. – Откуда? Мы не выходим отсюда.

– Иначе, сказала Галя, – сказала Света, – переведет всех в уборщицы.

– Вот так значит? Штрафа нет. Но есть перевод в уборщицы, – резюмировал он. – Так там, есть кто-нибудь? – адвокат показал дымящейся сигаретой в сторону банкетного зальчи-

ка.

– В зайчике? – спросила Света.

– В каком еще зайчике? – не понял Семен Семеныч.

– Я сказала в зайчике?

– Ты сказала в зайчике, – повторил адвокат.

– Да, мы теперь так называем этот маленький банкетный зальчик.

– Зайчик? Кто это придумал?

– Пилига, – сказала Света.

– Так он уже был там? – Семен опять махнул в сторону банкетного зала ароматной сигаретой Мальборо.

– Нет, – сказал Валера, – но очень хотел посмотреть. И да: у вас нет сигареты?

– В каком смысле? – адвокат прикинулся непонимающим. – Закурить, что ли?

– Да, сэр.

– Ну, так и говори. – Адвокат вытащил пачку Мальборо, прочитал, что на ней написано, и отдал всю пачку Валере. – Это вам на двоих, курите. Может быть, из ушей дым пойдет.

– Только из ушей, Семен Семеныч? – спросила Света.

– Пока да. Ибо... ибо я сейчас приведу своих дам. – Он почесал подбородок и опять спросил: – Значит, там никого нет?

– Там Алексей и София, – сказала Света. Была еще Даша.

– Ушла домой за коньяком без наценки, – сказал Вале-

ра. Он открыл пачку Мальборо, и думал: – Закурить или по экономить пока? Все-таки смолить одну за одной Мальборо жалко.

Тем временем адвокат заглянул в банкетный зал. Пошел не прямо и направо к двери в зал, а повернул сразу налево в банкетный зал. Никого.

– Там никого нет, – крикнул он в сторону кухни, и побежал за своими дамами.

– Я даже не видела, когда они вышли, – сказала Света.

– Я тоже не обратил внимания, – сказал Валера. – Мне кажется, они не выходили. Впрочем, мы могли не заметить. Прошли спокойно мимо двери и все.

– Где Итальянец? – спросил Семен. Он сел за стол и обернулся. – Увезли уже?

– Мы не видели.

– Мы выходили курить, – сказала Оля.

– Ну, реанимация приезжала? – спросил адвокат. – Вы должны были видеть ее и на улице.

– Мы не были на улице, – сказала Оля.

– Мы курили в туалете, – сказала Таня.

– Ладно, пока есть время, пойдем в банкетный зал.

– В банкетный? Там никого нет?

– Пока нет.

– А если придут?

– Мы запремся на замок.

– Да, это надо сделать обязательно. А то я люблю кричать во время секса.

– А мне тоже можно? – спросила Оля.

– Что, можно? – не понял адвокат.

– Кричать.

– Пусть кричит кто-нибудь один.

– Хорошо, тогда я буду рычать, – ответила Оля.

Они прошли в банкетный зал.

– Заколебали эти блатные, – сказала Света. – Трахаются в банкетном зале за бесплатно.

– Тихо, – сказал Валера. – Он нам дал пачку Мальборо. Настоящие! Даже курить жалко.

– Дай, я закурю.

– Бери.

– А ты?

– Ты мне оставишь. Хватит одной на двоих. – Валера протянул Свете сигарету.

Она прикурила, и сказала:

– Дай мне пачку.

– Зачем?

– Прочитаю, что там написано.

И она прочитала, что это не настоящие американские сигареты, а сделаны по лицензии в Финляндии.

– Подделка, – сказала она, выдохнув четыре кольца дыма. – Финские. Но ничего курить можно.

– Может быть, еще скажешь, что их штампуют в Мелехове?

– Вполне возможно, – ответила Света. – Финны сами ездят к нам в Питер за сигаретами. Откуда у них свои Мальборо?

– Ты думаешь, кто-то не знал, что у финнов нет своих сигарет, и сдуру написал на пачке, что это маде ин финланд?

– Думаю, именно так и было, – сказала Света, и посмотрела на сигарету сбоку.

– Давай сюда, – сказал Валера.

– Еще одну затяжку.

– Отдай мне ее. Ты выкурила больше половины.

– Хорошо. Я не буду затягиваться в себя. Иди сюда. Еще ближе. Я выдохну этот лишний дым тебе в рот.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Тут вошла Галя и рявкнула:

– Быстро отошли друг от друга. Кажется, я предупреждала. Или вам на лбу написать, что вы находитесь на работе? – И добавила без передышки: – Быстро три жареных картошки и три фаршированных свинины. И если сейчас я увижу, что нет нарезанной картошки, я – сл. на букву б – точно самих вас поджарю.

Картошка была, и Галя успокоилась. Но, тем не менее,

сказала:

– Выбирайте: ли вы сегодня работаете бесплатно, или я сейчас напишу вам на лбу:

– Я на работе?

– Напишите лучше на лбу, мэм, – сказал Валера. – Ибо сегодня хороший день. Много народу. Зарплата за сегодня должна быть большая.

Галя на самом деле взяла из аптечки толстый фломастер, и спросила:

– Каким цветом, выбирайте?

– Мне красным, – сказала Света.

– Мне синим, – сказал Валера. – Я люблю синий.

– А я красный, – сказала Света. – Нет, – поправились она, – я тоже люблю синий. Напишите мне, пожалуйста, синим:

– Я на работе.

Галя написала, и они начали работать. Света вынула из воды картошку, обсушила ее, и выложила на толстую сковороду. Валера жарил фаршированные яблоками и луком отбивные.

Галя вышла. Они посмотрели на лоб друг другу и рассмеялись.

– Надо было ей сказать, чтобы зашла в банкетный, и написала на лбу адвокату:

– Здесь не бесплатный бордель.

– Как же, ему напишешь. Ты не в курсе, что у нее неделю назад был суд?

– Нет, – ответила Света, – откуда я знаю. Она же меня уволила, и я здесь долго не была.

– Ее поймал проверяющий мент и музыкант. За музыку, что она крутит на дисках теперь, оказывается, платить надо. Этот музыкант приходил еще раньше, просил деньги для потенциальных авторов.

– А она? – спросила Света.

– А она послала его подальше. Сказала, чтобы сначала нашел авторов, а потом просил деньги. Не наоборот. Музыкант, бывший политраблотник, уволенный из армии, пошел в ментовку, и притащил проверяющего. Ничего особенного не нашли, но акт составили.

– И все? – спросила Света.

– Нет, не все. Предложили отдать музыкальный центр. До решения суда. А то, говорит, этот проверяющий, заберем и вино.

Она отдала, а потом рассказала все Семену Семеновичу. Тот говорит, – Валера кивнул на стену, за которой находился банкетный зальчик, – надо было сразу позвонить.

– И чего дальше? – спросила Света.

– Пришли к мировому судье, а судья дал этому менту по рогам. Потом приходил, просил подписать бумагу, что Галя не имеет к нему претензий. А этот – сл. на х – музыкант,

совсем пропал.

– А судья? – спросила Света.

– Судья? – переспросил Валера. – Тоже приходил с двумя телками. Заказывали вот таких же фаршированных поросят. – Валера кивнул на жарящийся с яблоками и луком карбонад. Я думаю, это небольшая расплата за то, что отмазал ее от ментов. Правда, и адвокат потом приходил с двумя телками. И тоже не расплатился. Но Галя говорит, что он не взял с нее ни копейки за суд и все дела.

– Это нормально, – сказала Света. – Сейчас адвокаты дерут много.

– Конечно, хорошо. После этого на лбу ему не напишешь:

– Здесь трахаться нельзя!

А итальянец один раз помог ей против каких-то дешевых блатных, так потом постоянно половину не доплачивал. Или даже вообще не платил. И чуть что – тащит трахаться.

– И все бесплатно? – спросила Света.

– Конечно! – ответил Валера.

– А вот теперь его грохнули, – сказала Света. – Кто бы мог это сделать?

– Ты меня спрашиваешь? Я не знаю.

Но приключения этого дня еще не закончились. Пришла Даша с коньяком, но Алексей и София так и не появились.

Более того, их не было три дня.

Даша заплакала. Потом сказала:

– Я так и знала.

Глава четвертая

Они жили счастливо. Почти каждый день охотились и купались в море. Но четыре часа в день, с девяти до часу, София писала роман. Прежде чем она его начала, Алексей спросил:

– Что я буду делать в то время, когда ты будешь писать роман?

– Ты будешь его героем, – ответила девушка.

Они поймали русалку и хотели ее съесть.

– Что обычно делают с русалками? – спросила София.

– Думаю... нет, не знаю, – сказал Моцарт. – Скорее всего, их пускают в бассейн, и смотрят с балкона второго этажа, как она плавает там.

– И больше ничего?

– Что ты имеешь в виду? Нет, думаю, на них просто смотрят.

– У нас нет бассейна. Надо заключить с ней договор.

– О чем? Чтобы добывала для нас рыбу. Я хочу треску.

– Ты любишь треску? А в кафе Охотник ее никто не берет.

Говорят:

– Треску мы и дома поедим.

– Я предлагаю вам две хороших трески на неделю, – сказала Русалка. – Кстати, – добавила она, – зовите меня Кити.

– Ну, ты нас не обманешь? – спросила София.

– Нет, – ответила Кити – Ведь две двухкилограммовых трески в неделю, это для меня совсем немного. Кстати, что мне будет за это?

– Мы тебя отпустим, – сказал Алексей. – Это хорошая плата.

– Нет, это само собой, – сказала Кити. – Я хочу еще какой-нибудь подарок. Ну, например, в уикенд мы будем вместе играть в водное поло. Окей? И еще:

– Говорят, у вас есть мясо. Мне можно будет попробовать мясо?

– Ты хочешь кабана? – спросила София.

– Нет. Спасибо. Я хочу флорентийский стейк, – сказала русалка.

– Мы не едим флорентийские стейки, – сказала София. – И знаешь почему?

– Нет.

– Из одного буйвола получается всего два стейка по два с половиной килограмма.

– Ну и что?

– А куда девать остальное мясо? У нас здесь нет, к сожалению, холодильника Бош.

– Почему?

– Не завезли, знаешь ли. Я сама иногда удивляюсь, что здесь нет ни кондиционера, ни фирменного холодильника.

Хотя понимаю:

– Зачем холодильник, если всегда можно взять столько мяса и рыбы, сколько можно съесть, пока она не испортится. А вместо кондиционера, можно договориться с ветром с моря.

– Вы умеете разговаривать с ветром? – спросила русалка.

– Пока нет, – ответил Моцарт, – но надеемся научиться.

– Я могу быть вашим представителем на море. Я договорюсь с морским ветром, – сказала Кити.

– Отлично. А то уже начинается июльская жара. И да: мы сами хотим полностью отказаться от мяса. И знаешь почему?

– Нет.

– Они становятся домашними животными, – сказал Алексей. – Начинают, как полноправные члены семьи ходить по дому, по саду, ходить на водопой к морю.

– Дело дошло до того, что один косолапый мишка взял с полки книгу, и начал изучать Защиту Лужина. Говорит:

– Никак не пойму некоторые места.

– А что именно ему непонятно? – спросила русалка.

– Не понятно говорит, зачем путать секс и удовольствие, – сказал Алексей.

– Понимаете? Шахматы доставляют ему большее удовольствие, чем секс. Вот оно лесное воспитание, – сказала София.

– Ясно, что никогда раньше они не читали Набокова, – сказал Алексей. – У него эти вещи равноценны.

– И много у вас уже зверей? – спросила Кити.

– Много. Иногда в саду не протолкнуться.

– Правда, они невидимы, – добавил Алексей.

– Невидимы? – удивилась русалка. – Но почему?

– Они отдают нам свою видимую часть, мясо, – сказала София. – И после этого они уже не могут идти назад в лес. Остаются у нас в качестве домашних животных. Нам мясо – им пространство в нашем доме.

– Именно поэтому мы решили со следующей недели отказаться от мяса, – сказал Алексей. Слишком много народу в доме.

– И самое интересное, – сказала София, – почти все хотят учиться дальше. Хотят читать книги, играть в шахматы, настольный теннис, бильярд, в карты в девятку.

– Просят открыть спортзал.

– Спортзал?! – ахнула Кити. – Зачем?

– Просят открыть боксерскую секцию.

– Почему именно боксерскую? – не поняла русалка.

– Наверное, потому, что в других видах спорта мы разбираемся намного меньше.

– Как же вы будете их судить, а тем более тренировать? – спросила Кити, – если они невидимы?

– Вот и я говорю. У нас недостаточно развита интуиция,

чтобы только ей руководствоваться, – сказала София.

– Если у вас есть заинтересованность в боксе, мы могли бы договориться, – сказал Алексей.

– Хотите быть тренером по боксу? – спросила София. – Вы бы их тренировали, а мы бы имели больше времени для отдыха и написания романа.

– Но тогда вам придется съесть и меня, – сказала русалка. – Ведь для того, чтобы ходить, я тоже должна стать невидимой сущностью. Верно? Так-то я умею только плавать. Тем более, я тоже не увижу никого, пока не умру.

– Здесь надо подумать, – сказала София.

– Подумайте, я тоже подумаю, – сказала Кита и широким кролем уплыла в море.

– Стой! – закричала София.

– Ты что-то забыла?

– Да, Все хотела уточнить одну вещь. Но не успела. Ладно, потом.

– Что именно? Может быть, я знаю.

– Нет, не думаю. Впрочем, изволь. Я хотела спросить насчет трески. Она обещала нам по две трески на день, или, я ослышалась, и она сказала: в неделю.

– Думаю, она сказала:

– В неделю.

– Это неправильно, – сказала София. – Ты понимаешь, почему? При интенсивном сексе и питании, из которого ис-

ключено мясо, нам понадобится больше рыбы, чем обычно. Я думаю, это будет по две хороших трески в день.

– Каждому? – спросил Алексей.

– Да.

– Извини, это надо записать.

– Ты ведешь записи продуктов, которые мы здесь потребляем?

– Да, теперь я буду вести такие записи. И знаешь зачем?

– Хочешь издать книгу по количеству необходимой каждому путешественнику еды.

– Как ты угадала?

– Я просто поняла, что ты мне завидуешь. Завидуешь глубоко. Завидуешь потому, что я пишу роман, в котором ты только герой. О! Моцарт, Моцарт! Ты мне завидуешь. Знаешь, что я тебе скажу? Никогда никому не завидуй. Делай, как Ньютон. Просто переноси все, что тебе нравится из сочинений Сальери в свои. Превращай их в Свои гениальные произведения.

– Я надеюсь, после этого меня никто не отравит?

– Я – нет. Бери все, что хочешь.

Они посмотрели вдаль, Русалка была уже у линии горизонта.

– Ей бы участвовать в соревнованиях по плаванию, – сказал Алексей Моцарт.

– Да, – поддержала его София. – Но, к сожалению, у нас

нет олимпийского бассейна, чтобы устраивать достойные соревнования.

И добавила:

– Может быть, тебе когда-нибудь стать генералом?

– Зачем?

– Говорят, генералам будет положен по штату олимпийский бассейн. – И добавила мечтательно: – Как у всех.

Алексей на Харлее Дэвидсоне доехал до милиции. Часто ездить не удавалось. Почему?

– Дождь-с! Солнце, а дождь-с, – сказал начальник милиции. Почему? А верно вы, Моцарт, опять сели за руль своего мотоцикла? Я угадал?

Действительно, как только Алексей выезжал на мотоцикле, начинался дождь. И Алексей, или Даша, или София всегда повторяли одну и ту же фразу:

– Здесь нельзя иметь хороший мотоцикл. Дождь, дождь и дождь. Здесь нет настоящего, человеческого лета.

– Ты почему не пришел три дня назад? – спросил Сергей Иванович.

– Думаю, я пришел именно в тот день, на какой мы договаривались, – сказал Алексей. – Сегодня какое? Одиннадцатое июля? А мы договаривались...

– Мы договаривались на одиннадцатое, – сказал подполковник. – Но ты сказал, что одиннадцать – это плохое чис-

ло. Мы перебрали с вами все числа. Про десятое вы сказали, что это слишком завершенное число. В такой день уже нечего больше сказать. Все уже завершено. Про девятое, что это число человека, а, следовательно, число не совершенное. Договориться в такой день не удастся. Мы договорились на восьмое. Хотя и это число вы назвали завершенным. Тем не менее, восьмое, а не одиннадцатое.

– Впервые слышу, – сказал Моцарт. – Я думал, вы настаивали на своей версии.

– Ладно, Хорошо. Теперь мы будем записывать дату встречи на бумаге. У тебя есть блокнот?

– Обычно я не ношу с собой. Блокноты. И знаете почему? Обычно я их теряю. Или забываю где-нибудь. Знаете, как это бывает?

– Меня не интересует, как у тебя бывает обычно.

Рассказывай, кто убил Итальянца в кафе Охотник?

– Я вчера сидел в банкетном зале. Как его убили не видел. И никакой другой информации у меня нет.

– Меня не интересует, что у тебя обычно бывает вчера, – сказал начальник милиции. – Я говорю об убийстве, которое было три дня назад. – Он показал сначала средний палец, потом прибавил к нему указательный, потом с трудом отогнул безымянный. – Три. Три дня назад. Как в Библии.

– Обычно я забываю, что было три дня назад, – сказал Алексей.

– Меня не интересует, что у тебя бывает обычно, – сказал Сергей Иванович.

– Кто его убил? – повторил Алексей. – Какое, собственно, это имеет значение? Ведь убить хотели не его, а адвоката Семена Семеновича Семенова. Три ЭС.

– Это возможно, но не обязательно. Может быть, сам Три ЭС и заказал Итальянца. Вы не думали об этом?

– Я со вчерашнего дня еще не выспался, – сказал Алексей Моцарт.

– Прошу вас, Моцарт, запомните, если не в состоянии понять, что это было не вчера, а...

– А...

– Что А?

– Не надо заставлять меня угадывать ваши допуски и посадки. Мы не в детском саду.

– Хорошо. Вы должны узнать, был ли у Три ЭС мотив, чтобы убить Итальянца. Для этого старайтесь сидеть с ним за одним столом.

– Это невозможно. Он будет приставать к моим девушкам.

– Вы работаете разведчиком. А на этой работе церемониться с девушками не принято. Ибо... что?

– Мы договорились, что вы не будете разыгрывать передо мной воспитательницу детского сада.

– Хорошо. Я сам отвечаю:

– Главное это не шуры-муры, главное это информа-ци-я.

Понятно?

– Да. Тем не менее, я не хочу, что адвокат трахал моих жен.

– Ладно, иди. Выпить не предлагаю. Да и не за что тебе наливать пока еще, если честно.

– Где вы были?

– Честно? Да нигде не были.

– Ты надо мной смеешься? – Она обернулась, и щелкнула пальцами. – Коньяк один раз, бармен.

– А Алексею? – спросила Галя из-за стойки.

– Не маленький. Если надо сам закажет.

– Спасибо. Мне содовой.

– Без виски?

– Без виски.

– Есть будете? Сегодня отбивная с баклажанами. Будете?

– Сверху или фаршированная?

– Фаршированная, конечно. Если не верите, пусть Алексей сходит проверит.

– А он, что, эксперт?

– Да, он здесь работает внештатным шеф поваром. Да, Алексей?

– Да.

– Я ему плачу бабло.

– Почему я ничего не знаю? Почему я вообще ничего не знаю? – спросила Даша. – А ты, Алексей, развил такую

бурную деятельность, что даже не знаю, предлагать ли тебе новую отличную работу.

– Конечно, предлагай, – ответил Алексей. И добавил: – Мне что-нибудь с говядиной.

– С говядиной только флорентийский стейк, – сказала Галя. – Ты же знаешь. Мы не можем отрезать от него лакомые кусочки. Ты и саам в курсе. Ты сам это говорил.

– Может быть, тогда нам заказать дневной флорентийский стейк? – спросила Даша. – На троих это будет нормально.

– Я не поняла, что значит утренний флорентийский стейк? – спросила Галя.

– Утренний дешевле, – сказала Даша.

– Да? Я этого не знала. Ну, хорошо, – сказала Галя, – тогда я тоже буду. На троих?

– На четверых, – сказала Даша. – И знаете почему? Сейчас придет София. – И повернувшись к Алексею, спросила: – Ты это знал?

– Нет, – ответил Алексей. – Откуда?

– Я знаю, – сказала Даша. – Сейчас эта сука войдет.

Но Софии не было целых десять минут. Они уже начали резать стейк.

– На троих режем? – спросила Галя, присаживаясь.

Все молчали. В проходе у бара стояла София.

– Вот она! – сказала Даша. – Чуть-чуть не заставила себя

ждать.

– Я думала, что опоздаю, – сказала София.

– Где ты была? – спросил Алексей.

– А какая тебе разница, где она была? – спросила Даша.

– Я так просто спросил.

– Зачем спрашивать, если ты и так знаешь, где она была? – сказала Даша.

– Ты думаешь, мы вместе спали? – спросила София. – Нет.

– Конечно, нет, – сказала Даша. – Вы вместе жили.

– Прекрати, Даша, – сказал Алексей.

– Хорошо, я помолчу, – сказала Даша. – Только ответь, где вы были три дня?

– Три дня?! – удивилась София. – Ты воображаешь, чего метёшь-то!

– Я те – сл. на б – дам, чё метёшь! – закричала Даша, и встала из-за стола.

Дамы уже приняли боевые стойки, когда в зал вошел адвокат.

– Бизнес лэнч сегодня есть? – спросил он. Потом кивнул всем.

– Голубцы, – ответила Галя и встала из-за стола.

– А первое?

– Они с соусом, он как первое, – сказала Галя. – Попробуйте, если еще не пробовали.

– Если бы пробовал, не забыл бы, – сказал Семен Семен-

ныч. – Три. Одну двойную. Сколько штук в одной порции?

– Два.

– Значит, два по два, в третью – четыре.

– Вы заказываете, как Билл Гейтс гамбургеры, – сказала

Галя.

– Что ты хочешь сказать, я не понял? – Семен Семеныч потер лоб.

– У вас голова, Семен Семеныч, работает, как ноутбук Со-ни.

– Откуда ты знаешь?

– Все так говорят.

– За бокс дополнительные деньги не берете? – он кивнул на Дашу и Софию. – Похоже, дамы всерьез приготoвились к бою.

– Даша, София! Заканчивайте! Здесь не ринг! – крикнула Галя.

– Нет, отчего же, я бы с удовольствием посмотрел, как дерутся женщины. За обедом, думаю, было бы приятно. Может быть, я всегда буду заказывать бокс на обед. Может быть, это полезно для желудка? Может быть, во время нокдауна выделяется больше желудочного сока?

– А при нокауте? Семен Семеныч?

– Что при нокауте? – спросил адвокат. Он сел за стол. – Ставлю два флорентийских стейка за нокаут, – сказал он.

– Кому стейки? – спросила Галя и записала этот заказ

в блокнот.

– Победителю на вечер, – сказал Семен Семеныч.

– Сто баксов, Семен Семеныч.

– Вечером отдам.

– Так нельзя, – сказала Галя. – Вы видели в пятницу, что было с теми, кому не досталось флорентийских?

– Не помню. Что с ними случилось?

– Чуть с ума не сошли! – воскликнула Галя.

– Хорошо. Отдам сейчас. Но... только после нокаута. Покажите мне нокаут.

Вошли его дамы, Таня и Оля. Они набросились на голубцы, а Даша нанесла первый удар Софии. По челюсти

– Ну, старая корова, сейчас ты получишь ответ, – сказала София, и покачала рукой челюсть.

– София, не забывай, что ты весишь намного больше Даши, – сказал Алексей из-за стола. – Смотри, не убей ее.

Даша ударила кулаком по соседнему столу.

– Алексей, – сказала Даша, – лучше закрой рот.

– А иначе что? – спросил Алексей.

– Что? – возмутилась Даша, – ты еще оправдываешься?

И да: готовься, ты будешь следующим.

Теперь София ударила. Но не сильно. Однако это был джеб. Даша поняла, что сейчас из носа пойдет кровь. Надо действовать быстро. Она ответила хуком справа в челюсть.

Потом слева в почку, в челюсть, и опять хук справа. Софию отбросило под медведя.

Почему, спрашивается, клаенсы, часто падают под этого медведя? Именно потому, что это была единственная стена в кафе, где не было стола для клиентов. Иногда только сюда ставили стол для официанта. Видимо, тот, кто бил, интуитивно выбирал место наибольшего благоприятствования.

София попыталась встать, но у нее не вышло. Она опять упала не колено.

– Я начинаю считать, – сказал Семен Семеныч. – Раз, два, три.

– Обедайте, Семен Семеныч, я за вас посчитаю, – сказала Галя. – Три, четыре, пять.

– Пять уже было, – сказала Даша. И добавила: – Впрочем, мне все равно. Ей же хуже будет, если она встанет.

Буквально перед тем, как прозвучала цифра десять, София оторвала руку от ламината. Она нагнулась, и боковой Даши прошел над ее головой.

– Теперь, кто быстрее, – сказал Алексей Гале, которая села за стол, чтобы смотреть бокс и одновременно доедать свой стейк.

София успела первой. Она достала почку Даши.

– Сейчас проведет ту же самую серию, – сказал Алексей.

– В почку, хук в голову, потом джеб правой? – спросила

Галя.

– Да, – ответил Алексей. И добавил: – Но так как София тяжелее, то это может быть нокаут.

И точно: Даша полетела к их столу. Алексей успел встать и поймать ее перед самым ребром стола. Они вместе смяли и стол, и два стула, и большой еще недоеденный флорентийский стейк.

Даша пыталась подняться, но ноги не слушались ее. Она опять падала на Алексея.

– Это не считается, – сказала она. – Я сейчас встану. Просто Алексей мне мешает. – Но... но язык че-то не хотел ее слушаться. Даша даже ударила ладонью себе по рту. Ужас! Это был нокаут.

– Не дали доесть стейк, – сказала Галя. – Впрочем, все не так плохо, Семен Семеныч.

– Да? – спросил с интересом адвокат. – А что могло быть хуже?

– Даша могла упасть на вас. Тогда бы горячий соус от голубцов мог повредить части тела ваших спутниц.

– Я бы попросил компенсацию, – сказал адвокат.

– Это было бы справедливо, – сказала Галя. – А теперь я ее попрошу. Ведь этот бокс был сделан по вашему заказу.

– Да, – согласился Семен Семеныч, – но они разозлились друг на друга еще до моего прихода.

– Хорошо, – сказала Галя, – тогда не триста, а двести бак-

сов.

– Получите, – сказал адвокат, и вынул два стольника.

– Плюс сто баксов за нокаут.

– А это был нокаут? – спросил Семен.

– Да, разумеется, – ответил Алексей. Он пытался установить стол на ножки, но он не хотел вставать, и опять падал, как будто тоже был в нокауте.

– Теперь буду знать, что это такое. – И Семен добавил Гале еще сто баксов.

– Алексей, – сказала Галя, – в банкетном есть новый стол в упаковке. Принесите его сюда, и установите.

– А стулья? – спросила София.

– Тоже там возьмите.

Про Дашу, казалось, все забыли. Она сидела у стены с чучелами птиц и беззвучно плакала.

Наконец, Галя подошла к ней и протянула сто баксов.

– Тебе и так не хватит, чтобы покрыть неустойку по мебели, – ответила Даша.

– Этот стол был уже сломан, – ответила Галя. – Да и стулья тоже. Их надо было менять.

В зале как раз появились Алексей и София с новым столом. София хотела сказать, что сто баксов за нокаут положены ей, как победительнице, а не Даше, как побежденной. Но промолчала.

Скоро все опять сели. За новый стол. Адвокат уже ушел,

но обещал прийти вечером.

– Алексей, – сказала Даша, с трудом сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, – я хочу стать менеджером по боксу. И в связи с этим мне нужен перспективный боксер. Собственно, об этом я и хотела поговорить.

– Ты кого имеешь в виду? – спросил Алексей, пытаясь поровну нарезать новый стейк на кило двести. Имеется в виду вместе с Т-образной костью. – Меня или ее, – он повернул голову к Софии.

– Да ее я видеть не могу, – сказала Даша. – Как ты не понимаешь?!

– Да? – сказала София. – Хорошо. Тогда отдай мои сто долларов за победу.

– Твои сто долларов? – переспросила Даша. – Разве мы так договаривались? Галя, кому положены эти сто баксов? – Но Галя была на кухне. И она хотя и слышала крик Даши, предпочла не выходить пока с кухни.

– Вас зовут, – сказал повар.

– Я им, что, судья? – сказала Галя. – Потом же меня делают крайней.

Тогда Даша вынула этот столик, и сказала, что сейчас приклеит его Софии на лоб. Но вдруг села, опять расплакалась, разорвала столик на мелкие кусочки, и высыпала Софии в тарелку.

Тогда София встала вместе со своей тарелкой и хотела опрокинуть ее на голову Даше. И опрокинула бы, если бы Даша не провела Софии прямо за столом удар Лемана.

Раз, и тарелка еще в руках Софии. Два – тарелка падает на пол. Три – падает, как подкошенная сама София.

Галя выбежала на шум, всплеснула руками, и опять на кухню за водой.

– Было бы лучше, – сказала она, вернувшись с бокалом воды, – если бы вы играли в шахматы. Хотя бы даже, как невеста Лужина:

– По бумажке.

Даша села, спокойно доела свой стейк, и вышла из кафе. Предварительно, она сказала Алексею, что он должен найти ей боксера.

– Предстоит турнир на Новый Год, – сказала она. – Сто пятьдесят тысяч долларов призовые. А я, – Даша показала себе на грудь, – получила лицензию...

– На убийство? – с улыбкой спросил Алексей, надеясь хоть как-то разрядить обстановку.

– Лицензию менеджера, – сказала Даша. – Я имею право выставить своего боксера.

– Как будто мы раньше не имели этого права, – сказал Алексей.

– Раньше имели, а теперь нет. Теперь там только мужики.

И чтобы выставить своего боксера надо иметь лицензию. Если я в этом году никого не грохну, мне уже трудно будет найти боксера. Ты понял? Этот парень должен выступить уже на день Свободы России.

– А разве уже есть такой День? День Свободы России? – удивился Алексей.

– А ты не слышал?

– Нет, я еще ничего не слышал. Что это за свобода? Свобода от чего?

– Свобода от штрафов. С этого дня отменяются все штрафы.

– Не может быть.

– Правда.

Глава пятая

– Там кондиционеры есть?

– Кондиционеры? Сомневаюсь.

– Тогда я не поеду.

– Мы можем сами поставить кондиционер.

– Сколько там наших комнат, три?

– Мы можем взять отдельный домик. Там три комнаты внизу, и две наверху.

– Это сколько надо кондиционеров, пять? Там есть столько энергии? Провода не загорятся?

Алексей и София решили проверить вместе новые коттеджи Дома Отдыха имени Клары Цеткин и Розы Люксембург.

– Мне уже не понравилось, – сказала София.

– Почему? – полу обернувшись, спросил Алексей. —

Потому что нас не хотели пускать на мотоцикле?

– Да. Ты сколько заплатил охраннику?

– Сто рублей.

– Немного. Но все равно неприятно. Мы здесь не хозяева.

Нам бы лучше поехать опять туда, на море, – сказала София.

– На море? – переспросил Алексей, когда они уже поднимались по ступенькам домика. Ключ с номером семнадцать им дал охранник. Ведь на руках у Алексея был Проект Путевки именно с этим номером. – Ты имеешь в виду в Палангу?

– Палангу? – переспросила София. – А мы там были одни, без Даши?

Они уже осматривали второй этаж, где был всего один кондиционер на две комнаты.

– Странно, – сказал Алексей, – мы действительно где-то были с тобой без Даши. Но где? Я не помню.

– Между прочим, здесь довольно тяжело жить, – сказала София.

– Почему? – спросил Алексей.

– Здесь полно разных маленьких зверей.

– Например? – спросил Алексей.

– Это комары, во-первых. Достаю-ю-т! Маленькие вампирищи. Мухи, слепни. Как здесь отдыхать, я не понимаю?

– По новым правилам оформления отдыха, мы имеем право, провести здесь одну ночь. Ты согласна?

– Надо проверить, есть ли в комодке постельное белье. Есть! – радостно воскликнула София. – Мы остаемся.

– Я выйду на минуту, – сказал Алексей.

– Зачем? – спросила София.

– Я только поставлю Харлей на сигнализацию.

– Прости, но мне почему-то страшно оставаться здесь одной. Я пойду с тобой, хорошо?

Они вышли в безветренную, душную ночь.

– А этим комарам безразлично, душно или нет, – сказала София. – Все равно кусаются. – Она шлепнула левой рукой по правой. – Будет чесаться. Я даже не замечаю, когда эти черти кусаются. А прихожу домой – болит.

Алексей не успел ответить.

– Мне кажется, я слышу шум моря, – сказал он.

– Да? И комары пропали, – сказала София. – Может быть, пойдём назад в дом? Мне стало страшно. Как... Я хотела сказать: перед грозой. Но ведь в последнее время перед грозой не страшно. Мы только и делаем, что ждем грозу.

– Прошу прощения, – услышали они из-за кустов. София подпрыгнула, а Алексей схватился за сердце. – Может быть, вам это не нужно, – сказал, выходя из-за кустов, невысокий мужик, – но вам презент. – И он одной рукой вынул из-за спины другую. И не случайно. Я имею в виду, не случайно правая не шла сама из-за спины зам. начальника лагеря. Там была бутылка Камю.

– Это от кого? – спросила София. – От администрации города?

– Нет, – ответил Лука Лукич. – Откуда у администрации города свои деньги. – Это от нового владельца этого санатория.

– Неужели продают уже такие большие объекты государственной собственности?! – ахнула София.

– Нет, пока что только сдают в аренду, – сказал Лука, от-

крывая штопором бутылку, – на сорок девять лет. – И добавил: – Подержите стаканчики. – И мягкие полиэтиленовые стаканчики появились в его руке, как по мановению волшебной палочки.

– Как насчет закуски, Лука Лукич? – спросила София.

– Дорогая София! – неожиданно воскликнул зам. нач. София опять вздрогнула, а Алексей только покачал головой. – Вот теперь разрешите презентовать вам, так сказать, презент. – И он подвесил на пальце ключи.

– Ключи от машины?! – изумилась София.

– Ноу, ноу!

– А что это? – так же, как и София, Алексей не понял назначения связки ключей, подвешенных на коробочке с кнопками сигнализации.

– Это ключи от вашей, так сказать, резиденции. Я поясню, – добавил зам. нач., видя, что друзья не догоняют.

Вы ведь спросили:

– Где закуска?

– Я ничего не спрашивала, – сказала София.

– Я тоже, – сказал Алексей. – Если не считать исключительного обстоятельства, что я говорил, но забыл.

– И я вам отвечу, – продолжал Лука Лукич, не обращая внимания на попытки гостей вставить своё слово в его доклад. – Я ее повесил. Да, друзья мои, у меня просто не было

другого выхода. И знаете почему? Она стала слишком мягкой. По отношению к людям, я имею в виду. Настолько мягкой, что я повесил эту размазню на сучок. Итак, я думаю, все догадались, что это была шоколадка. Очень вкусная, горько-сладкая шоколадка. Но из-за жары она стала такой же податливой, как Венедикт Ерофеев после бутылки денатурата и двух коктейлей Субботник Комсомолки и Первая Девушка Комсомольца. Но не в них дело. Не в них, друзья мои. Просто... Жара! Я бы даже добавил по Шварценеггеру:

– Красная Жара!

– Мы понимаем, – перебил оратора Алексей Моцарт, – но пора уже перейти к самому тосту.

– Так выпьем за то, чтобы у нас всегда было чем закусить коньяк Камю, несмотря на жару, из-за которой расплавилась моя шоколадка, и я повесил ее на сучок, как повесил бы самого Виктора... прошу прощения, Венедикта Ерофеева, если бы он выпил этот денатурат и эти два комсомольских коктейля. Если бы, – я прошу обратить на это особое внимание, – была такая жара, как сегодня, вчера и позавчера. Что было раньше, я просто не помню из-за этой жары.

– Ближе к телу, Лука Лукич, – сказала София, – я то у меня уже затекла рука с этим стаканчиком. Его, между прочим, тяжело держать. И знаете почему? Он слишком мягкий.

– Я вас понимаю, София, – сказал Лука Лукич, – ибо он

такой же мягкий, как натуральная шоколадка Мы на Севере, которую я вынужден был повесить на сучок. Итак, друзья мои, у вас в руках подарок, который вам делает арендатор этого лагеря. Это ключ от вашего коттеджа. Вы думаете, что вам не нужен ключ. Вы думаете, что не запирали дверь дома, из которого недавно вышли? Нет! Ибо двери закрываются автоматически. Как в московском метро. Как дверь хорошего мерседеса.

– А разве бывают плохие мерседесы? – смогла вставить София несколько слов в речь зам. нача.

– Так я об этом и говорю, – смело резюмировал Лука.

Сейчас вы нажимаете кнопку на брелке, дверь открывается автоматически, вы поднимаетесь наверх, там в морозилке, которая стоит в вашей спальне, вы берете шоколадку. Твердую, как семга, пойманная белым медведем на Северном Полюсе, и замороженная на сильном морозе до завтра. Так сказать, впрок.

– Насчет семги... – хотел сказать Алексей, но Лука Лукич его остановил предупредительным поднятием руки ладонью вперед.

– Никаких семг! – Вы берете твердую горько-сладкую шоколадку Сияние Севера, и быстро спускаетесь сюда. Окей?

– Хорошо, – сказал Алексей, – я схожу.

– Лучше я, – сказала София.

– Я чувствую, что это будет слишком долгая песня, – сказал Лука, – пойдёмте все вместе. Там выпьем, закусим, а потом уже дискутируйте хоть до самого утра. Хоть на полу, хоть прямо на кровати.

Наконец, они выпили почти всю бутылку. Пока не закончилась вся твёрдая шоколадка. Лука Лукич уже двинулся к двери, когда София спросила:

– Вы говорили, или я пропустила:

– Как звали того парня, который преподнес нам этот презент?

– Да, я не сказал. Его зовут Вилли Токарев. Именно, он взял в аренду на сорок девять лет этот санаторий. За что? За то, что поставил во всех номерах кондиционеры. А то, знаете ли, до чего дошли эти телевизионщики. На Урале у них тридцать шесть, а на юге, в Сочи – двадцать шесть. В Ялте у них двадцать два, а у нас тридцать восемь. Так должно быть, по-вашему?

Теперь этот санаторий называется не санаторий им. Клары Цеткин и Розы Люксембург, а:

– Курорт им. Вилли Токарева.

Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой. Солнце меня греет, но не сильно. Пока оно дойдет до меня! Я ведь такой маленький. Тем более, что в каждой комнате у меня кондиционер. И я никуда не выхожу. Все, что необходимо для моей жизнедеятельности, мне доставляется по специаль-

ному охлаждаемому до состояния снега тоннелю. Все такое холодное, холодное.

В общем, пишите письма. Жить можно!

София вышла одна на берег моря. Она встала пораньше, а Моцарта решила не будить.

– Пусть спит, – решила она, – парень неплохо вчера поработал.

Она увидела вдалеке русалку, и помахала рукой. Кити сразу заметила новую подругу, и подплыла к берегу.

– На каком языке тебя лучше приветствовать? – спросила София. – На русском, или на английском?

– Да мне, в общем-то, по барабану, – ответила Кити. – Если ты не против, я буду слушать тебя...

– Можно, я буду иногда говорить с тобой по-английски? – перебила София. – И знаешь почему? Сейчас этот переводчик Петров обучает английскому за шестнадцать уроков. Ну, и я решила...

– Решила проверить, правду говорит, или так, врет больше? – усмехнулась русалка.

– Нет, нет, я ему верю. Поэтому я решила научиться английскому. Давай начнем сначала, – сказала София, – как будто ты только что подъехала. Ай мин, подплыла. Хай, – говорю я тебе. Теперь ты мне скажи что-нибудь веселое.

– Рли-и-з, – сказала Кити, и добавила: – Не правильно?

– Почти правильно, – ответила София. – Скажи что-нибудь другое.

– Вел. Велкам.

– Молодец! Правильно. Только тогда я сначала скажу тебе:

– Сенкью, сенкью вери мач. Ну, как будто я спела какую-нибудь хорошую песню. Из дэ эни бади гёл ту лиссон ту май стори олл вэ балд вэ гёл вэ кэн ту стей. А ты мне хлопаешь хвостом и отвечаешь...

– Велкам.

– Отлично! Теперь можно сказать, что наша встреча прошла в теплой, дружественной...

– Обстановке, – сказала русалка.

– Нет, нет, здесь нет никакой обстановки к сожалению. Просто в теплой... будем говорить: при теплой погоде. Хотя, если честно, это слово вызывает во мне негативные воспоминания. Почему, как ты думаешь? Может быть, раньше я жила на Солнце, и устала от жары? Такое может быть, потвоему?

– Вполне возможно, – ответила Кити. – Говорят в аду очень жарко. И совсем нет воды.

– Ты права. Надо добиваться, чтобы и там тоже были кондиционеры. Обязательно! Так жить нельзя!

Впрочем, я заболталась, – сказала София, – а между тем у меня есть к тебе предложение. Ты любишь бокс?

Алексей появился, и София радостно сообщила ему новость:

– Я нашла боксера.

– Да? А мы разве занимаемся боксом? – ничего не понял Алексей.

– То есть, как? А чем мы тогда занимаемся?

– Я думал, мы просто отдыхаем, – сказал Моцарт. – И... и у нас нет никаких забот. Кроме одной: ты пишешь роман.

– Так вот именно! Милый друг! Как ты не понимаешь, что для романа мне нужно действие. Я не могу его просто так придумать, из головы. Мне нужна натура. Как Ван Гог.

– Я не против твоего оригинального подхода, – сказал Алексей. – С натуры, конечно, писать легче. Но кто здесь согласился быть боксером?

– Кити, – ответила София. И добавила: – А я буду ее менеджером.

– Кити, – повторил Алексей. Он явно не понимал, кто это. – Кто это?

– Русалка, – невозмутимо ответила София.

– Русалка? – переспросил Алексей. – Чем она собирается боксировать, хвостом?

– Представляешь, она мне ответила также, – рассмеялась София. – Говорит, хвостом, что ли, я буду посылать в нокаут своих противников? Смешно, правда?

Моцарт решил промолчать.

– Нам главное перетащить ее в наше пространство, – сказала София.

– Ты думаешь, оно существует? – спросил Алексей. – Это не фантастический роман. А жизнь.

– Да? А мне показалось, что есть еще какая-то жизнь. Интересная, активная жизнь.

– Что там активного? – спросил Алексей.

– Там постоянно дерутся. Бокс, знаешь ли. Ты помнишь удар Лемана?

– Удар Лемана?

– Да. Ты меня научил этому удару. Помнишь?

– Нет. Ведь если я вспомню какой-то там несуществующий удар Лемана, то, боюсь, могу забыть это уединенное место.

– Правда, оно похоже на финальную сцену из фильма Побег из Шоушенка?

– Да. Но у нас нет даже старого катера.

– Зато у нас есть русалка. Она обещала достать катер. Только его надо отремонтировать, сказала она.

– Нам не нужно обольщаться. Русалка может использовать нас в своих интересах. И да: я думаю, что никакого другого пространства не существует. И знаешь почему?

– Нет.

– Потому что в одном пространстве забываешь о существовании другого.

– Это великолепная идея только подтверждает существование как минимум еще одного пространства, – сказала Софья. И добавила: – И мы можем найти связь между мирами.

– Как? По приметам? – спросил Алексей. – Тогда здесь должно быть что-то из другого мира. Но что?

Да нет, я и искать не буду, – сказал Алексей. – Давай лучше развлекаться.

– Как?

– Запечем семгу.

– Приготовим капонату, – сказала Софья.

– Я согласен.

– А ты не забыл, что сначала мы должны писать роман?

– Я не писатель.

– Я – писатель. А ты мой герой. Поэтому без тебя я – никуда!

– Сегодня нам доставили треску? – спросил Алексей.

– Русалка уже была, – сказала Софья. – Наверное, она положила треску в холодильник. На лед.

И да: у нас два письма.

– Ты ничего не говорила, – удивился Моцарт. – Кто мог узнать наш адрес? Ничего не отвечать. Это подозрительно.

– Ты не хочешь узнать, что нам предлагают? Скорее всего, это совершенно незнакомые лица. Наверное, не одним нам они рассылают такие письма. Рассылают многим, а по-

том выбирают лучших.

– Непонятно, как они, не видя, могут выбирать лучших, – сказал Алексей. И добавил: – Ну, хорошо, скажи, что там они предлагают.

– Первое, это переправить двадцать китайцев на Кубу. По тысяче двести баксов с каждого.

– Где только они берут деньги? – вздохнул Алексей.

– Меня не это удивляет, – сказала София. – Зачем им на Кубу?

– Думаю, хотят шить на нейтральной территории спортивные костюмы для олимпийской сборной Америки. А то находятся некоторые, и возмущаются, что, мол, опять нам подсовывают китайское дерьмо. Хотя знают, что оно ничем не хуже настоящего американского. Ибо его шьют такие же американские фабрики, что и в Америке. Только в Китае это без налогов. Как помощь развивающимся странам. И, следовательно: намного дешевле. Вывод: зачем платить лишнее? В данном случае патриотизм ничего не стоит, кроме денег налогоплательщиков. Но чтобы избежать шумихи, которую из ничего поднимают противники Белого Дома, решили шить на Кубе. Пока еще раскочегарят пропаганду, что Куба – это тот же Китай, пока до этого додумаются! Можно шить, как у себя дома. Ведь Куба близко. Это не Китай. Я думаю, поэтому.

– Что поэтому? Ах, поэтому! – радостно воскликнул Алексей, потому что, наконец, все понял. Понял, как работает патриотизм, и как мировая экономика.

– Второй вариант будет по сложней, – сказала София. – Предлагается найти пиратскую базу и разоружить или перебить пиратов. База находится на острове в океане.

– Что это за остров? – спросил Алексей. – Что это за пираты? Сомалийские?

– Не знаю. Может быть. По секретным сведениям, это один из трех незаселенных островов Мальтийского Архипелага.

– Второе предложение нам явно не подходит, – сказал Алексей.

– Почему?

– Ну, для такого дела надо иметь, как минимум, торпедоносец с отрядом матросов.

– Да, – согласилась София, – у нас есть только отремонтированный, покрашенный катер, и... и никакого оружия.

– Разве что двустволка. На уток. Патроны – пятерка. Правда, можно самим зарядить кусками нарезанных гвоздей. Вместо пороха использовать головки от спичек.

– Может быть, тогда согласимся на первое предложение? – спросила София.

– На первое? Напомни, пожалуйста, о чем там шла речь.

– Про китайцев, работающих на Америку без уплаты налогов. А за это они шьют им дешевые, но качественные спортивные костюмы. В том числе и для олимпийской сборной.

– Так нам, куда их везти? В Китай, или в Америку?

– Ты что? Все забыл? На Кубу! Помнишь? Куба – любовь моя! Вижу, идет Бурбудас. Тада-татада-татада-тата. Тата-тата-тата-тата!

– Хорошая песня. Надо подумать. Этот вариант может нам подойти. Только...

– Только поднимет ли наш катер двадцать китайцев за раз?

– В случае чего можно съездить два раза. Но, думаю, поднимет. В маршрутку вон положено сажать только по тринадцать человек. По чертовой дюжине, так сказать. А на Черкизовском рынке при Лужке сажали по двадцать пять. А это уже дюжина плюс чертова дюжина. Почти две чертовых дюжины. Скорее всего, было даже две полных чертовых дюжины. Кто их там считал. Только по времени засекали. Как начинают выходить на этом пресловутом рынке, ждать надо десять минут. Не меньше.

– Давай лучше не будем вспоминать эти печальные страницы нашей истории, – сказал Моцарт.

– Если нам придется перевозить китайцев на Кубу, – сказала девушка, – воспоминания о Черкизоне покажутся кинокомедией.

Катер еще не был спущен на воду. Они подошли к нему,

погладили теплые бока, заглянули вниз. С берега раздался протяжный вой.

– Как будто воют голодные волки, – сказала София. – Ужас.

Они уже знали, что это Кити.

Алексей сказал:

– Ты спускайся к берегу, а я захвачу в баре бутылку холодного шампанского.

После положенного по Проекту Путевки завтрака в столовой, они поехали на Харлее в город.

– Мы берем путевку или нет? – спросила София с заднего сиденья.

– Обязательно, – сказал Алексей. – Если ты хочешь.

– Да. Очень хочу. Мы можем помириться с Дашей.

– И?..

– Будем жить впятером. Ты, я, Даша и два боксера, которых мы будем готовить к чемпионскому турниру. Я тоже хочу получить лицензию менеджера. И я ее получу. В любом случае. Захочет эта выдра с нами тренироваться или нет.

– Ты про Дашу?

– Да, про нее. Думаю, она не захочет работать вместе со мной.

Алексей промолчал.

– Пусть занимает тогда другой коттедж. И одна тренирует своего боксера. А я буду своего.

– Лишь бы тебе дали лицензию, – сказал Алексей.

– Дадут.

– Говорят, там женщин не приветствуют.

– Одной дали, и мне дадут.

– Лицензию может, и дадут, но надо еще добиться права на бой. А то подставят тебе такого боксера, что с первого боя нокаут, носилки, больница.

– Алексей, а ты не хочешь быть моим боксером?

– Стар я для этого дерьма уже, – ответил парень.

– Тогда, может быть, я буду твоим боксером?

– Ты пишешь роман.

– Роман? Какой роман? Кроме тебя у меня нет другого романа.

– Че-то у меня крыша, что ли, едет? – спросил Алексей. –

Почему-то я решил, что ты пишешь роман.

– Хорошая идея, – сказала София, – надо подумать. Сначала, правда, надо писать научиться, А то я после школы уж и забыла, как это делается. Ты это, меня с Дашей не перепутал? Она ведь филолог. Не я.

Как бы не слыша ее, Алексей ответил:

– И знаешь, почему-то ко мне идет информация, которую я совершенно не понимаю.

– Что именно?

– Песня. Эти глаза напротив, тада-да-да-дада. Эти глаза

напротив. – Откуда? Я такой песни никогда в жизни не слышал.

– Я тоже. Может быть, ты композитор?

– Не думаю.

Они проехали сразу до Спортклуба.

– Где здесь Председатель? – спросил Алексей. Они поднялись на второй этаж.

Далее, кто Председатель лицензионной комиссии.

Навстречу им попался Семен Валерьевич. Он шел уткнувшись в какую-то бумажку, и не узнал их. На нем был настоящий фабричный китайский костюм Монтана. Отлично сшитый. Как для всех европейцев. Ну, и американцев, само собой.

– О! Привет! – воскликнула София, едва войдя в кабинет. Она просто увидела знакомое лицо на торце стола. На месте Председателя. Но имена закружились перед ней, как листья в ноябре. София растерялась. Она не могла вспомнить, как звать этого солидного мужика. Но это бы еще ничего. Она забыла, где раньше его видела. Что-то очень знакомое. Но из другой жизни. Тем не менее, находится в какой-то опасной близости. Случайный секс? Нет, не было. Кто же это?

– Здравствуйте, София Леонидовна, – сказал, вставая, мужчина. – Здравствуйте, Алексей Викторович.

– Добрый день, Павел Александрович, – сказал Алексей.

– О! – опять воскликнула София, – вы отец Даши. А я все ищу связь на Небе. А она – на Земле. – После этих слов девушка хлопнула Председателя по руке. – Бывает же. Паша, – продолжала она, – можно я буду тебя так называть? Простите, я просто так рада встретить в таком страшном месте знакомое лицо. Вы себе не представляете. Как будто я спустилась в ад. А там – никого. Никого такого знакомого, чтобы можно было вместе выпить, покурить, может быть, даже... ну сейчас не будем об этом. И знаешь почему?

– Почему? – только и мог вымолвить Паша.

– Нам, – она показала пальцем на Алексея Моцарта, – нужна лицензия.

– Я не выдаю – может быть, к сожалению – лицензий... э-э на убийство.

– Нет, нет, – заторопилась София, – это нам пока что не нужно. Просто лицензия на право выставить своего боксера в Лиге. Может быть, мужчину, может быть, женщину – я пока не знаю.

– Для вас... всегда пожалуйста, – сказал Павел. – Но дело в том, что я только подписываю лицензии.

– Кроме вашей подписи мне больше ничего и не нужно, – сказала София.

– Я тебя понимаю. Но здесь, как в мэрии. Ты помнишь, каким я был мэром? Я был первостатейным... Впрочем, здесь,

я хотел сказать, как в мэрии.

– А как в мэрии? – вставил свое слово Моцарт.

– Обязательно, кто-то сидит на хвосте. Вот и здесь у меня есть помощник. Можно сказать, заместитель, который принимает экзамены на менеджера по боксу. – Павел Александрович показал вытянутой вперед ладонью в угол. И действительно, там сидел человек. Они его даже не замечали до сих пор. Прошу любить и жаловать:

– Эдуард Денисович Закубанский – тренер боксерской Ассоциации. Здесь главный тренер по боксу. И мужской и женской секции. Непосредственно тренирует женскую команду. Как главный тренер.

– А Семен? – спросил Алексей. – Семен Валерьевич, кого тогда тренирует.

– У него есть своя боксерша. Кажется, – добавил Павел Александрович. – Он тоже тренер. Но второй.

– И поэтому он взял себе отдельную лицензию менеджера? – спросил Алексей.

– Да, – ответил Павел. – Но все равно считается, что он выступает от Спорткомитета. – И добавил: – А вот Эдуард Закубанский – главный тренер.

И... и он же принимает экзамены у будущих менеджеров. Он примет, а я подпишу, – засмеялся Павел.

– Я ничего не поняла, – сказала София. – Надо дать взят-

ку, что ли? – она открыла сумочку.

– Здесь дело не во взятке, – наконец высказался Эдуард Закубанский. – Взять, а тем более дать взятку – дело не хитрое. Надо сдавать экзамен.

– Неужели это обязательно? – удивился даже Алексей. – Мы...

– Я все понимаю, – сказал Эдуард, – но это не моя личная прихоть. Надо учить правила, законы, показывать бокс. Это обязательно.

– Опять вы начинаете лицензировать бани?! – рявкнула София. – Ну, я вам – слово на букву б – устрою полевые учения по программе Военного Округа.

Паша схватился за голову руками. Теперь он отчетливо вспомнил, что София – дочь геройски погибшего командира местной дивизии. Отца нет, брат – герой афганец – тоже убит. Но ее могут поддержать бывшие друзья ее отца и брата, закончившего в звании полковника академию генерального штаба. Коррупция – она и в Африке коррупция. В данном случае, имеется в виду, предполагается, пока что, как гипотеза, что коррупция существует не только между живыми людьми, но возможно и между живыми и мертвыми. Почему и не удастся ее так быстро победить. В коррупции погрязли все. Так сказать, от самого верху, и аж до самого низу. До царства мертвых. Но это знал, так как понял на собственном опыте, Павел Александрович. Но не Эдик. Ибо он

сказал:

– Экзамены у меня будут сдавать все.

София вдохнула побольше воздуха, и приготовилась ответить. Но Эдуард Денисович неожиданно прервал течение ее мыслей:

– А хотите, можете сдать мне экзамены прямо сейчас. Вы должны попасть мне в лицо три раза в течении трех минут. Сможете?

– Без перчаток? – спросила София, и уже занесла руку, чтобы дать наглецу пощечину.

– Перчатки у нас всегда здесь, – поспешно сказал Паша, и открыл сейф. – Какие выбираете: красные или синие?

– Красные, – сказала София.

Они надели боксерские перчатки. Алексей сказал:

– Может быть, лучше спуститься в зал, на ринг?

– Не имеет смысла, – сказал Эдуард, и кивнув на Софию, добавил: – Все равно она не попадет. А я сильно бить не буду.

София встала напротив Эдуарда. Он увидел ее прекрасные, зеленые, как у козы, глаза, излучающие проникающую в душу энергию, и понял, что надо было дать ей лицензию менеджера по боксу просто так, без экзаменов. Но поздно. Да и не положено, опять повернул он на своё. Последовало четыре удара, и один промах.

Эдик махнул, но София пригнулась. И тогда последовали ее четыре удара. Каким из них был удар Лемана, не понял даже Алексей. Должен был быть последним. Но это по логике. Говорят, художники древности сначала изображали события по очередности их возникновения. Потом так уже не делалось. Все события были – если говорить по-русски – свалены в кучу. Ибо:

– Роман этот все уже знали наизусть. – Кажется, что только поэтому. Что все и так знают последовательность. Но у такого, любого, размещения предметов – есть и более серьезные, фундаментальные основания. Так сказала бы филолог Даша. Если бы она была здесь сейчас. И возможно, ее ссылка была бы на этот раз не на Вильяма Шекспира, а на Льва Толстого.

Именно из-за попытки проследить всю цепочку ударов Эдик и не смог понять, когда последует нокаутирующий удар. Почему-то его развернуло в противоположную сторону. Главный тренер боксерской ассоциации сломал несколько стульев и весь длинный стол, ведущий к руководящему столу бывшего мэра. А ведь этот детина точно весил больше ста килограммов. Сто-то уж точно.

– Чай, кофе, квас? – поспешно спросил Паша. – Сэндвичи есть. С сыром, с красной рыбой. Будете? Ну, пока ждем. Это здоровый парень. Скоро он поднимется и подпишет лицензию. – И добавил с улыбкой: – Зато все по-честному. Без

коррупции.

– Кстати, вы можете зайти к нам с бутылочкой Хеннеси, – сказал бывший мэр. – Мы с Пестелиной будем рады.

Но София была еще в пылу боя. Она была еще очень зла на бюрократию вообще, и на спортивных бюрократов в частности. Поэтому она ответила:

– У вас все еще та же жена?

Глава шестая

– Можно, я поеду на озеро?

– А работать, кто будет?

– Так ведь нет никого.

– Ты знаешь, что такое закон подлости?

– Это когда ждешь двоих, а приходит один?

– Нет. Это когда не ждешь никого, а придут семь человек.

Вот ты уедешь, и сразу придет компания.

– Он обещал мне четыре тысячи.

– Это хорошо. Но надо требовать деньги сразу. Потом не отдаст.

– Потребуйте с него для себя еще хотя бы две тысячи.

– Не даст. Это перебор. Наверное, он имел в виду, что ты и так отдашь мне половину.

– Я не против. Но как-то жаль. Я вроде бы с этими деньгами уже сжилась. Если я тебе отдам половину, то отдам как бы свои личные бабки. Мне бы не хотелось. Да у меня их пока и нет. Он только обещал. Тем более, кажется, он будет не один.

– Сколько же их? – спросила Галя.

– Двое, – ответила Олеся. Они были вдвоем в зале. Посетителей – никого. Но, по словам Олеси, приезжал один на мерседесе, и предлагал съездить отдохнуть на озеро.

– Только до вечера, – сказал он. – Даже раньше.

– Ты видела и второго? – спросила Галя.

– Нет, но мне показалось, что в машине за тонированным стеклом был кто-то еще.

– Ты не боишься с двоими сразу?

– А чего бояться, если они нормальные?

– Ты этого знаешь?

– Я бы сказала, но ты будешь смеяться.

– Да? Кто это такой смешной был? – удивилась Галя. –

Женщина?

– Нет, не женщина.

– А то тут, бывает, приезжают ночью на мерседесах. Шикарные дамы. Заказывают коньяк, рекламируемую сейчас Киевскую и берут с собой девочку, если понравится. Откуда только они появились, не понимаю.

– Это был итальянец.

– Что? Я не расслышала. Повтори.

– Ну, мне показалось, что это был он, – сказала Олеся.

– Если бы это был он, то лучше не ездить. Он не заплатит.

– Че, крохобор?

– Ну, не знаю. Просто такая подлая натура. Только его убили недавно. Ты не в курсе? Разве это было не при тебе?

– При мне. В первый день работы.

Приехал итальянец. Даже не поздоровавшись с Галей, он хотел забрать Олеся.

– Ну-ка, подойди сюда! – крикнула Галя. – Ты, че, в натуре, совсем приборзел?

– Что вам угодно? – спросил Итальянец.

– Мне?! Впрочем, ладно. Мне нужны деньги. Ты забираешь мою единственную официантку. Давай сразу деньги.

– Потом, – ответил Итальянец.

– Потом суп с котом, Давай, давай сюда шесть тысяч.

– Я обещал четыре.

– Я начальник. Ты забираешь моего подчиненного. Плати.

– У меня нет с собой таких денег.

– Тогда иди трахай пенек.

Итальянец вытащил шесть тысяч, и отдал даме. Он уже завернул за угол бара, но вернулся.

– Дай мне бутылку Хеннеси.

– Три с половиной тысячи.

– Что-то дорого.

– Это не...

– Хорошо, я отдам.

– Нет. Я не принимаю обещания. Только наличными.

Итальянец порылся в карманах, собрал три тысячи, и положил на стойку бара.

– Этого мало. Зачем тебе Хеннеси? Кого поить. Возьми десятилетний армянский. Выйдет две бутылки. Или Мартель. Есть Камю. Ты стал миллиардером? Хеннеси, между прочим, пьют только миллиардеры.

– У меня друг только освободился. Ему нужна хорошая – слово на б – и бутылка Хеннесси.

– А закуска?

– У нас собой большой кусок запеченной осетрины.

– Нет денег – принеси осетрины, – сказала Галя. – Большой кусок.

– Ты даже с мертвого готова содрать шкуру, – сказал Итальянец, и пошел к машине. Он принес большой кусок осетрины.

– Себе оставил? – спросила Галя.

– У меня было два.

– Может, он тебе нужен?

– Ешь. – Итальянец хотел сказать:

– Жри. – Но он был еще не пьяный.

Когда они уехали, Галя сказала, вышедшему в зал повару:

– Кажется, он не узнал меня.

– Кто? – спросил Валера.

– Кто, кто, Итальянец.

– Его же убили.

– Оказывается, нет.

– Может, тебе купить электрошокер?

– Зачем? Чтобы он потом меня им пытал? Или, чтобы гонять поваров из зала? Вот если сейчас кто-нибудь войдет, что ты будешь делать?

– Уйду на кухню, – ответил Валера.

– Так он тебя уже успеет увидеть! Неужели ты этого до сих пор не можешь понять? Или тебе штраф выписать?

– Штрафы отменены, – сказал повар.

– Штрафы отменены, – повторила Галя. – И добавила: – Тогда я тебя просто задушю. – Она протянула руки к шее повара, и начала душить. Галя хотела, чтобы Валера обнял ее, может быть, сначала тоже стал бы душить. Потом бы сказал:

– Ты моя Дездемона, – и потащил в банкетный зал. Или на мойку. Встреча с Итальянцем привела ее в состояние сильного возбуждения. Не как встреча с покойником, разумеется, а как встреча с тем, кого уже нет, или он далече. Но вдруг неожиданно появляется. Как во сне. Нет не во сне. О реальности напоминала осетрина, которая все еще лежала на стойке завернутая в газету. Но Валера уже начал душить ее. Не по-настоящему, разумеется. Нет, сначала он решил немного подушить ее по-настоящему, так сказать, в натуре, и только потом перейти удержание за сонные артерии.

Галя задергалась. Валера подумал, что уже теряет сознание. Он так же делал ей несколько раз. Просто чисто для кайфа. Галя сама его просила:

– Подуши меня, пожалуйста. Я хочу потерять сознание.

На самом деле она все еще понимала. И задергалась только потому, что увидела на прилавке осетрину. Ей показав-

лось, что скоро она уйдет куда-то – вероятно, подсознательно имелся в виду мир иной – а осетрина, вкусная, недавно пойманная большая осетрина, хвост которой не умещался даже в багажнике машины, когда ее везли на разделку, останется здесь одна. Останется навсегда. Очень бы не хотелось! И Галя начала биться в руках повара. А он думал, что это началась стадия отхода в кайф. И решил подержать еще немного. Чтобы уж окончательно барменша потеряла сознание. И только тогда понял, что совершил ошибку, что большие пальцы его все еще находятся на середине ее горла, когда дама начала хрипеть.

– Прости, – сказал он, – я думал, что они на сонных артериях уже. – Валера испугался и не стал вводить Галю в транс потустороннего мира. Просто отпустил ее и все.

Она сначала отпрянула назад. Потом схватилась рукой за горло, начала кашлять, сделала два шага вперед, и ударилась лбом о косяк двери, которая вела на кухню.

Галя очнулась, и только сказала, глядя в зеркало:

– Производное от слова на букву П! – Останется шрам.

– Клаенсы! – произнес Валера сакральную фразу, – как назло. Семеро.

– Ты как будто увидел на горизонте пиратский корабль, – сказала Галя. И добавила: – Я так и знала. Она надела на лоб красную повязку из сложенного в ленту платка, и вышла с кухни. Осетрина так и лежала на широкой стойке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.